ВАЛЕРИЯ ЧЕРНОВАНОВА
Мой
(НЕ) ЛЮБИМЫЙ
ДРАКОН
КНИГА ТРЕТЬЯ

Колдовские миры

Валерия Чернованова

Мой (не)любимый дракон. Оковы для ари

«Автор»
2019

Чернованова В. М.

Мой (не)любимый дракон. Оковы для ари / В. М. Чернованова — «Автор», 2019 — (Колдовские миры)

ISBN 978-5-04-101020-1

Выйти замуж за ледяного дракона? Та еще нервотрепка! За любовь и счастье мне пришлось основательно побороться. Вернуться домой? А вот это оказалось до обидного просто. И теперь все мысли только о том, как отыскать обратную дорогу в Адальфиву. В мир, где возрождаются древние силы, а заклятый враг моего любимого готовится к Алому турниру. Где судьбы людей определяют жестокие обычаи, и обман может стоить алиане жизни. В край сумрака и холодов, где правит дракон, облекший свое сердце в лед. Но я стану для него весной и верю, что зимняя стужа его жизни сменится долгожданным теплом.

ISBN 978-5-04-101020-1

© Чернованова В. М., 2019
© Автор, 2019

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 23
Глава 5 31
Глава 6 35
Глава 7 42
Глава 8 48
Глава 9 54
Глава 10 60
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Валерия Чернованова
Мой (не) любимый дракон. Оковы для ари
Книга 3

Глава 1

– Пустая…

– Немыслимо!

– Но как такое вообще возможно?!

– Впервые о подобном слышу! – в унисон твердили старейшины, а поддакивали им слетевшиеся со всех уголков империи в Ледяной Лог лекари.

Скальде раздраженно обернулся. Галдящая толпа замерла, смолкнув на мгновенье, но стоило тальдену отвернуться, как жаркие обсуждения возобновились.

Его не желали оставлять в покое. Явились спозаранку всем скопом, чтобы озвучить вердикт магов, а после потащились следом по только начавшему просыпаться замку к покоям будущей императрицы.

Как выяснилось после ритуальной проверки – пустышки.

Редкие, не погасшие к утру факелы, робкими бликами вплетались в полумрак лестниц и залов. Несмотря на то, что весна была в разгаре, по утрам в замке привычно царили холод и сумрак.

Точно так же сумрачно в последнее время было на душе у Скальде. Мало было нападения на Фьярру… И вот, новая неприятность. Хотя неприятность – это мягко сказано! Жена не носила в себе его силу. Силу, которую он передал ей несколько недель назад. Куда могло исчезнуть наследие предков – оставалось только гадать. Родовая магия больше не истязала разум кошмарами, и Скальде не раздирало желание выплеснуть из себя избыток силы, похоронить под толщей льда целые города.

Магия в его крови стихла в ночь, когда он разделил бремя проклятия со своей половиной.

Тагры побери, пустышкой!

Тальден отказывался себе в этом признаться, но в последнее время он видел Фьярру именно такой. Чужой. Другой. Совершенно на себя не похожей.

Пустой.

Ледяной ускорил шаг, мечтая как можно скорее избавиться от роя жужжащих над ухом советников и оказаться рядом с ней. Стоило на миг прикрыть глаза, как воспоминания накатывали удушливой волной: слезы, застывшие на болезненно бледных щеках; губа, закушенная в попытке сдержать готовый вырваться наружу крик; потухшие, неживые глаза. Безвольно опущенные руки. Как у поломанной куклы.

Наверное, никогда не сумеет стереть из памяти образ *такой* Фьярры. Никогда не простит себя за то, что в то утро его не было рядом.

Идя наперекор древнему обычаю, он навещал ее несколько раз. Это были короткие встречи в присутствии придворных дам – надзирательниц, одним своим видом выводивших его из себя. Каждый раз, открывая двери в покои ари, Скальде надеялся увидеть ту, прежнюю Фьярру. Хотя бы тень улыбки на нежных губах. Блеск ясных глаз, которого ему так не хватало.

Но девушка была подавлена, все время молчала и, кажется, снова его боялась. Она не желала признаваться, что же произошло наутро после свадьбы в треклятой спальне!

Ворвавшись в которую, вместо счастливой новобрачной тальден обнаружил смертельно напуганную, дрожащую алиану. Оттолкнувшую его, когда попытался обнять. А потом, когда все же обнял, разрыдавшуюся у него на руках.

И вот спустя столько времени она продолжала засыпать в слезах. Но делиться своими страхами Фьярра по-прежнему отказывалась, и магам оставалось только теряться в догадках. Мощный выплеск силы – вот что они ощутили, разорвав наброшенную на комнату паутину чар. Чар, протравивших зловонием каждый вековой камень. Скальде чувствовал исходящий от стен смрад даже на расстоянии.

В тот же день во все уголки Сумеречной империи были отправлены гонцы, возвратившиеся в столицу с лучшими магами-целителями. Ее лучезарность переселили в другое крыло замка, на которое наложили самые мощные охранные заклинания.

Под чутким надзором врачевателей, окруженная любовью сестер и неустанной заботой служанок, Фьярра должна была постепенно стать прежней. Но она, словно цветок, пересаженный неумелым садовником, увядала и с каждым днем все больше походила на ту пугливую лань, которую он когда-то повстречал в доме ее отца. Скальде с горечью вспоминал о девушке, легко оправившейся после падения с башни, стойко пережившей попытку насилия, с высоко поднятой головой отражавшей нападки совета магов.

– Может, причина в душевной травме ее лучезарности? Она так сильно подавлена, – возвысил голос, чтобы его услышали, молодой целитель из окраинного княжества.

– Подавленность никак не влияет на наличие либо же отсутствие силы в ари, – весомо возразил другой, уже в летах, маг.

Ему растерянно вторил придворный врачеватель, эррол Хордис:

– Возможно, мы допустили ошибку. Нужно еще раз обследовать ее лучезарность.

– С тобой я уже ничему не удивлюсь, – покосился на лекаря, понуро опустившего голову, наследник.

После того памятного утра обнаруженная придворным целителем рукопись рассыпалась пеплом. Скальде чувствовал, покушение на жизнь Фьярры и попытка заставить его выбрать в жены эсселин Талврин как-то связаны. Возможно, связующим звеном был ненавистный кузен Игрэйт Хентебесир, сразу же после свадьбы скоропалительно покинувший Сумеречную империю.

Но сейчас Герхильда больше заботило другое.

Фьярра не радовалась их редким встречам, тушевалась в присутствии мужа и спешила прервать их общение, напоминая, что нельзя идти наперекор древнему обычаю. А ведь та Фьярра, которая сумела пробудить в нем чувства, любила нарушать традиции.

Он скучал по своей бунтарке. По тем странным словам, которые порой от нее слышал. По дерзким взглядам на жизненный уклад Адальфивы.

Но ему нравилось, что они, эти взгляды, у нее были.

С кьердом тоже творилось что-то странное. Он больше не ластился к своей хозяйке, не искал ее внимания. Казалось, для него Фьярра тоже стала чужой.

На поиски без вести пропавшей морканты, воспитательницы ее лучезарности, были отправлены лучшие ищейки империи. Колдунья исчезла внезапно, в то самое злополучное утро, и Скальде требовал от своих людей как можно скорее ее отыскать. Но Блодейна будто сквозь землю провалилась. Как в свое время туда же провалился Крейн.

В покоях морканты не обнаружили ничего, кроме сундуков с нарядами да шкатулок с украшениями. Лишь одна вещь привлекла внимание тальдена – старинный манускрипт, полный древних, давно позабытых магических таинств. И среди них одно, особенно заинтересовавшее ледяного мага…

И вот теперь выясняется, что его ари – пустышка, отчего подозрения, точившие сердце наследника, еще больше усилились.

Не обращая внимания на робкие просьбы сердобольных целителей сначала успокоиться, а потом уже говорить с будущей правительницей, Скальде толкнул резные створки, остервенело ударив по ним ладонями. Служанки, помогавшие госпоже одеться к завтраку, вспугнутыми пташками разлетелись по углам спальни. А сама Фьярра съежилась в кресле, прижала к груди колени и уткнулась в них лицом, не решаясь поднять на мужа потухший взгляд.

Кьерд апатично лежал рядом, умостив морду на скрещенных лапах. Никак не отреагировал на появление тальдена, не встал на защиту любимой хозяйки, когда Ледяной, в несколько шагов преодолев разделявшее их расстояние, грубо дернул ее за подбородок, заставляя поднять голову.

Ему нужно было видеть ее глаза, в которых снова стояли слезы. Видеть эти глаза в момент, когда давящую тишину спальни нарушит вопрос, что вот уже столько времени не давал Скальде Герхильду покоя:

– Где. Моя. Жена?!

* * *

– Аня, солнышко, давай уедем отсюда, пока не поздно. Ты уже столько денег на это жулье угрохала. Я уже молчу про время! – расстроенно всплеснула руками мама и проводила отъезжающий от остановки автобус тоскливым взглядом.

Дореволюционная колымага, на которую пришлось пересесть в соседнем городке, чтобы попасть в эту глухомань, обдала нас залпом вонючего дыма и медленно укатила в пасмурный ноябрьский полдень. А мама тем временем, демонстративно откашливаясь, перешла на некое подобие тротуара. Ну или того, что от него осталось. Угодила шпилькой в выбоину в асфальте, культурно выругалась, после чего вздохнула безнадежно, наконец-то поняв, что до вечера нам отсюда теперь уже точно не выбраться.

Автобусы в село с символическим названием Ведьмовское (надеюсь, что и правда Ведьмовское, а не Шарлатанское) наведывались нечасто. Мы приехали утренним рейсом с пересадкой, вечерним собирались вернуться в Москву.

Вернее, собиралась я, смотаться по-быстрому туда и обратно, но мама в последний момент напросилась в попутчицы и всю дорогу истребляла мои и без того немногочисленные нервные клетки. То сокрушалась по поводу нашего с Воронцовым грядущего развода, то ворчала, что ей не по душе идея фикс единственной и такой упертой дочери, которая (я то бишь) вознамерилась во что бы то ни стало разобраться с проклятием Королевых.

– Лучше бы потратила свободное время на поиски работы, раз уж вы с Лешей решили разбежаться, – завела по новой свою шарманку. – Как выпустилась, так только на пару собеседований и сходила. Три месяца после свадьбы дурью маешься. И вот, теперь еще и развестись собралась.

Вообще-то дурью маялась Фьярра, а я делом занимаюсь. И, как обычно (даже здесь, на Земле), отдуваюсь за, мать ее, лучезарность. Фьярра всячески избегала встречаться с моими близкими. За что они на *меня* разобиделись, и вот только сейчас, спустя почти месяц после моего возвращения из Адальфивы, мы наконец помирились. Потому и взяла с собой маму. Чтобы опять не дулась на меня как мышь на крупу.

– Аня, может, все-таки передумаешь? – идя по безлюдной улочке, мимо развалюх, которые язык не поворачивался назвать домами (да и на гордое звание сараев они тоже не тянули), продолжала донимать родительница. – Лешик ведь против развода. Он так мне вчера и сказал. А ты чего упираешься рогом? Что такого могло случиться, что ты даже видеть его не хочешь?

Случилась Фьярра.

Ну и моя любовь к Скальде.

– Ма-а-ам, ради бога, прекрати, – теряя терпение, простонала я. – Ну сколько можно одно и то же? Мы с Воронцовым уже все обсудили, решили и постановили.

– Решила ты, Аня! И, пожалуйста, называй мужа по имени. Он тебе пока еще все-таки муж!

Ну, это, к счастью, дело поправимое и явление временное.

Закусила губу, чтобы вслух не ляпнуть лишнего, и принялась с горем пополам соскребать остатки выдержки. Мне нервничать никак нельзя, иначе маман обзаведется симпатичным кляпом изо льда. Ей психологическая травма будет обеспечена, а меня совесть замучает.

Глубоко вдохнула, на миг прикрывая глаза, и с благодушной улыбкой предложила родительнице ускориться.

Провинциальный пейзаж не радовал. Накрапывал мелкий дождь, а собравшиеся в сизые комья тучи недвусмысленно намекали, что в любой момент эта морось может обрушиться на нас ливнем. За кособокими домами густой пеленой вырастали сосны, разбавляя унылую панораму какими-никакими красками природы. Изрезанная колеями дорога чавкала грязью. Мама шла медленно, осторожно, будто ступала по минному полю. Сама виновата – нечего было надевать новенькие замшевые сапожки в такую погоду.

Сколько забытых богом деревушек, подобных этой, я объездила – не сосчитать. И все как одна: с одинаковыми утлыми домишками и покосившимися деревянными заборами. К столичным ведьмам, шептуньям, колдунам тоже не раз наведывалась. Без толку. Пока что мне фантастически везло на мошенников, но стоически не везло на настоящих магов.

А может, на Земле такие вовсе не водятся. И только я уникум – все пытаюсь ужиться с ледяной силой, которой боюсь до чертиков. Потому как эта строптивица никак не желает быть покладистой и подчиняться своей хозяйке.

Дом бабки Казимиры располагался на отшибе. Сразу за ним начиналась сосновая роща, шумевшая загадочно и тревожно.

– Пришли, – объявила я, сверившись с неким подобием карты, которую набросала знакомая моей подруги Дашки.

Ожидала увидеть избушку на курьих ножках, вроде тех, что ютились возле остановки. Но этот домик неожиданно порадовал белеными стенами, новенькой черепицей и крашеными под цвет сосен ставнями. Такой же, сине-зеленой, была и калитка, оказавшаяся незапертой. Однако зайти во двор я не решилась. Мало ли, какой пес здесь в охранниках.

Потому громко представилась:

– Здравствуйте! Меня зовут Аня. Казимира… извините, не знаю вашего отчества. Мне посоветовала к вам обратиться Ильина Евгения Петровна.

Дверь, к которой вело деревянное резное крыльцо, распахнулась, и к нам бойко засеменила приятной наружности старушка. Этакий божий одуванчик в светло-сером платье и цветастом платке. Казимира совсем не походила на остальных представительниц псевдо-колдовской братии. Те «ведьмы», с которыми я уже успела пообщаться, предпочитали окружать себя соответствующим антуражем: магическими шарами, отполированными черепами, щедро обвешивали себя всякой дребеденью, вроде оберегов и амулетов.

– Еще одна мошенница, – проворчала мама, сверля Казимиру недобрым взглядом. – Ну разве ведьмы так одеваются? Даже не пытается слиться с образом.

– Такое ощущение, что это только на мне проклятие, а ты с ним кайф всю жизнь ловишь.

На свет божий я появилась, когда маме едва исполнилось девятнадцать. Я стала для нее прощальным подарком от первого мужа, положившего начало целой плеяде его последователей. Прощальным, потому что, узнав о ребенке, папа-студент резко перехотел становиться главой семейства и самодепортировался. Остальные мамины союзы тоже длились недолго.

Мне такой судьбы, спасибо, не надо. Да и мама у меня еще хоть куда. Могла бы выйти замуж, в последний раз, и зажить счастливо.

Если б не эта чертова ведьмовская кара.

– Милая, думаешь, я в свое время не обращалась к точно таким же всезнайкам с якобы каким-то там даром? – грустно вздохнула родительница. – И что это дало? Как видишь, я по-прежнему проклятая и одинокая.

Попросив ее сдерживать эмоции, ответила на приветливую улыбку пожилой женщины такой же искренней улыбкой.

– Доброе утро, Анечка. Мария, вы очень вовремя. Проходите, проходите, я как раз чайку заварила. Небось в автобусе намерзлись, пташки вы мои ранние.

Из прихожей, в которой нам было велено оставить зонты и верхнюю одежду, мы прошли в комнату, заставленную старой, но добротной мебелью. Особенно меня заинтересовал большой круглый стол, на котором вместо карт Таро, черных свечей и всяких там лягушечьих лапок красовались, дразня обоняние, сахарные плюшки и пирожки.

– Будете гадать на чайной гуще? – усмехнулась мама, пододвигая к себе чашку с изображенными на ней румяными пастушками и их кавалерами-пастухами.

Пришлось легонько пнуть маман под столом, чтобы перестала ерничать. Обиделась. Но хотя бы замолчала. Жаль, ненадолго.

– А чего ж гадать-то, если и так все ясно, – хмыкнула Казимира, наполняя фарфоровую тару ароматнейшим чаем. – Темное колдовство на вас. Старое. Вот и маетесь, бедняжечки. Ходите по жизни неприкаянными в надежде повстречать свое счастье. А оно все ускользает да ускользает. И в другой мир от этой напасти не сбежать, Аня, – покосилась на меня радушная хозяйка. – Пока тьма на вас, не будет нигде вам счастья.

– А от этой тьмы, – с придыханием начала мама, мгновенно позабыв о своем недоверии, – можно как-то избавиться?

– Можно, – кивнула ведьма и каким-то замогильным голосом продолжила: – Но цена у свободы от проклятья уж слишком высокая.

– Мы, конечно, живем небогато, – деловито подобралась мама, готовая торговаться до победного конца. Ну или до тех пор, пока у старушки не лопнет терпение, и нас отсюда не выкинут замерзать на улице до самого вечера. – Но кое-какие сбережения у меня имеются. Скажите, сколько?

Я вдруг почувствовала себя восковой фигурой, немой и неподвижной. Сидела, не в силах выронить даже звука, и во все глаза смотрела на Казимиру. Это что еще был за намек про побег в другой мир? Неужели говорила про Адальфиву? Неужели и правда настоящая ведьма? Я бы ее тогда… Я бы…

От волнения кожу слегка пощипывало и в горле першило. Травяной чай оказался очень кстати: помог согреться и голосу прорезаться. А заодно и жегший холодом ком в груди, появлявшийся всякий раз, когда испытывала сильные эмоции, заставил исчезнуть.

Пока пряничный домик Казимиры не превратился в ледяную избушку.

Меня так и подмывало выставить маму в прихожую или утащить бабку в другую комнату и уже там озвучить ей главную цель своего визита. Нет, я, конечно же, мечтала излечить себя и родных от этого магического «вируса». Но еще больше мечтала получить совет, подсказку – хоть что-то! – что помогло бы на крыльях любви полететь обратно к Герхильду.

К мужчине, по которому скучала безумно. С мыслями о котором засыпала каждый вечер и просыпалась каждое утро. Силу которого в себе носила.

И этой силе не было места в моем мире.

Нужно скорей возвращать ее в Адальфиву и самой, попрощавшись с родными, туда возвращаться. Потому что здесь я не живу – существую. И даже привычная обстановка, друзья, близкие справляться с тоской не помогают.

– Казимира, не молчите. Скажите, сколько мы вам будем должны за снятие проклятия? – тем временем наседала на старушку мама.

– Не я навела на вас тьму, Мария, не со мной вам расплачиваться. Только потомки невзлюбившей вас колдуньи могли бы избавить от этого наказания.

– У стервы детей не было, – хмуро отозвалась мама. – Уже узнавала.

Пожилая женщина молча кивнула и, раскрошив по блюдцу плюшку, тихо проговорила:

– Такие чары не касаются тела, они травят душу. Чтобы развеять довлеющую над вами тьму, последняя из прóклятого рода должна добровольно согласиться на очищение души. Тогда и души других Королевых очистятся.

– И как я могу ее очистить? – спросила осторожно, всеми фибрами своей запятнанной проклятием души предчувствуя большой и жирный подвох. Вселенского масштаба свинью, которую судьба-злодейка коварно мне подсовывала. Видимо, прежних свиней ей показалось мало.

– Душа может очиститься только на Той Стороне, – с траурным выражением лица сообщила Казимира.

– И что же это за сторона такая? – нахмурилась мама.

– Кажется, я знаю, – проговорила чуть слышно и усмехнулась своим мыслям.

Получается, заледеней я после свадьбы, и проклятие с Королевых было бы снято. Потому что выйти замуж за его льдистость сродни самоубийству. Добровольной прогулке на Ту Сторону.

Тогда бы мама с бабушкой наконец обрели свободу, а Фьяррочка продолжала отрываться с Лешей. Но я выжила, назло Хентебесирам и злобным духам, и делать себе ритуальное харакири сейчас, чтобы очиститься от этой гнили, уж извините, не планирую.

– Вы что, предлагаете моей дочери убить себя? – С лица мамы схлынула краска, а спустя мгновение на щеки плеснуло румянцем негодования. – Сумасшедшая!

Казимира покачала головой:

– Ты искажаешь мои слова, Мария. Ты спросила, как снять проклятие. Я ответила. Нужен или потомок проклявшей вас ведьмы, или же Анна добровольно должна уйти из жизни. Но можно просто продолжать с ним жить. До этого ведь как-то жили.

Вот именно, как-то. Абы как и все не так.

– Анечка, пойдем отсюда. Не могу больше это слушать! – Схватив перекинутую через спинку стула сумочку и остервенело сжав в руке витую ручку, мама в последний раз испепелила, изрешетила, заморозила ведьму взглядом и пулей выскочила в прихожую.

А я замешкалась, не зная, с какой стороны подступить к разговору о драконьем мире.

– Подойди-ка, милая, – видя, какая каша варится у меня в голове, ласково позвала Казимира и взяла за руки.

Сухие ладони с тонкой, будто прозрачной кожей накрыли мои. Не по возрасту ясные глаза колдуньи померкли под набрякшими веками, и мне почудилось, что время остановилось. Не слышно было ни звука. Мама перестала возиться в прихожей, ворчать и ругаться, натягивая грязные сапожки. Даже старые ходики на стене замолкли. Только сосны за окнами продолжали свою заунывную песню.

– Сильная магия. Та, которой тебя вернули обратно. Не земная. Плата за нее – годы жизни. А какие годы ты хочешь отнять у девяностолетней старушки? – вздохнула ведунья. – Прости, Анечка, не смогу тебе помочь. И не знаю, кто сможет, – разочаровала, предвосхищая уже готовый сорваться с губ вопрос. – В нашем мире магию не признают, поэтому нас, истинных магов, осталось мало. Мы вырождаемся. Люди забывают о силе, сила забывает о них.

– Аня! Ты скоро там? – это ожила мама.

– Иду! – крикнула и принялась рыться в своем бездонном бауле в поисках кошелька.

– Извини, что не сумела разрешить ни одну из твоих проблем.

– Ну, вы хотя бы были со мной честны, – положила несколько купюр на стол, придавив их вазочкой с плюшками.

– А вообще… – вдруг оживилась колдунья. – Не уходи, Анечка. Погоди!

Казимира скрылась в соседней комнате, чтобы вернуться спустя минуту с ярко-синим самоцветом, который вложила мне в руку.

– Носи у сердца. Повесь на цепочку или вот в кармашек блузки положи. Носи и думай о том, к кому оно, сердце твое, так рвется.

– И что, – выдохнула взволнованно, – этот камешек поможет увидеться с ним снова?

Глупость, конечно, но в тот момент мне отчаянно хотелось в нее поверить.

Пожилая женщина улыбнулась, не то загадочно, не то грустно:

– Магия не всесильна, милая. И простых решений для таких сложных проблем, вроде твоей, не существует. Но надеюсь, тебе станет легче.

Снова подала голос мама, раздраженно поторапливая. Так ей не терпелось покинуть уютное гнездышко колдуньи и отправиться под дождем знакомиться с окрестностями.

До возвращения автобуса мы просидели в единственной имевшейся в Ведьмовском забегаловке, разгадывая кроссворды. Вернее, разгадывала мама, потом что-то читала в своем смартфоне. А я, как и наказала колдунья, думала о Скальде. Впрочем, и без ее наказов занималась бы тем же самым.

Думала и гадала, какой сюрприз преподнесет мне волшебный камень.

Глава 2

«Королева! Ну сколько можно?! Давай выползай из своей берлоги!» – надрывался мобильный.

Вернее, надрывалась подруга, не оставлявшая попыток на ночь глядя вытащить меня из квартиры в ночной клуб. Дашка была в ударе. А когда в ударе Даша, у жертвы ее внимания просто нет шансов.

«Сегодня вообще-то пятница, Королева. Имей совесть!» – возмущенно пиликнуло снова.

Появилось желание грохнуть телефон об стенку. Ну или утопить в пахнущей клубникой пене. Но такую роскошь, как убийство смартфона, я не могла себе позволить. Я ведь теперь Аня Королева, а не Фьярра-Мадерика Сольвер, и у меня нет папенькиного за́мка, хрустальной «тачки» с крылатыми фальвами и несметного количества драгоценных цацек, продав которые, можно будет купить себе целую кучу навороченных смартфонов.

Вернув мобильный на стопочку махровых полотенец, выложенных на деревянной стойке прямо под моющими средствами, нырнула с головой в воду с твердым намереньем не реагировать на табуном несущиеся ко мне смс-ки.

Однако не реагировать не получалось. Вдогонку «имей совести» прилетело угрожающее:

«Через десять минут у тебя. Отказов не принимаю. Если что, потащу как есть. Да хоть в чем мать родила!».

Поняв, что отлежаться в горячей воде мне не светит (у подруги имелись запасные ключи и, если что, она не постесняется ими воспользоваться), выскочила из ванны, поскользнулась на мятного цвета коврике, пощекотавшем мокрые ступни густым длинным ворсом. Проехалась на этой подстилке до стиральной машины, за которую и зацепилась, иначе бы подобно гимнастке растянулась на скользком полу в шпагате.

Дашка у меня прямая, как рельсы, и прет по жизни паровозом. То есть всегда получает, что хочет. И если уж решила устроить со мной посиделки в недавно открывшемся клубе «Инсомния», то обязательно их устроит. Голой вряд ли потащит. А с мокрыми волосами и без макияжа – запросто.

Вот кого надо было «приглашать» на отбор невест в Адальфиву. Дашка бы там соперниц мигом построила и Тьюлин со всем выводком старейшин заставила бы маршировать в ногу.

А уж сколько незабываемых моментов пережила бы по ее милости эссель Блодейна…

Я тут же приказала себе не думать о морканте. Всякий раз, о ней вспоминая, чувствовала, как сердце в груди начинает ныть и съеживаться до состояния кураги. Я не желала ей такой смерти. Вообще никакой, если честно. Справедливого суда – другое дело.

Но судить теперь уже некого.

Дав себе установку – вечер с подругой в баре и никаких (в идеале) переживаний – занялась сушкой волос. Благо их у меня осталось немного. В том смысле, что пару недель назад я снова стала светло-русой и обзавелась аккуратным каре до подбородка. Назло Фьярре, за два месяца, что отсиживалась здесь, превратившей меня в адальфивскую версию самой себя. Но это все в прошлом. Отныне никаких белокурых локонов до попы. Ни своих, ни наращенных.

Что же касается самой попы, ее бы как раз не помешало нарастить. Другими словами, записаться в спортзал, в который эсселин Сольвер не знала дорогу. Но пока что у меня не было денег на покупку нового абонемента, все свои сбережения я спустила на фейковых магов. С гардеробом тоже возникли проблемы. С размером «М» я теперь не дружила, а от всего купленного Фьяррой за милю разило гламуром, который никогда не любила.

В одежде я предпочитала удобный и комфортный стиль кэжуал.

Но выбирать не приходилось, поэтому напялила на себя то, что было. Надраивая электрической щеткой зубы, сдернула с вешалки первую попавшуюся блузку. Нечто кремовое,

мега-ажурно-воздушное, с вырезом по самую бляху на поясе джинсов. Утрирую, конечно, но декольте действительно не оставляло простора для фантазии. А других вырезов эта гуру моды, похоже, не признавала. Кстати, о джинсах. В платяном шкафу теперь можно было обнаружить только скини, всех цветов и разной степени гламурности: с вышивкой, камешками и всевозможными бусинками. Вытянув из стопки удавок для ног классические темно-синие, не с первой попытки, но все же в них втиснулась.

Кажется, масса, только не мышечная, начала наращиваться сама собой. Спасибо сериалам под заправкой из поздних шоколадок и бутербродов с такой вредной колбасой.

К тому времени, как в дверь позвонили, я уже успела кое-как подвести глаза, мазнула по ресницам тушью. Немного румян, пудры и гигиеничку на губы.

– Бегу-у-у! – застегивая на ходу цепочку с подарком Казимиры, помчалась в прихожую.

Где чуть не наступила на кота. В ответ на такое беспардонство на меня недовольно зашипели, оскорбленно мяукнули и от души лупанули по полу полосатым хвостом.

– Ну наконец-то! Королева! Живая и во плоти! – Даша подвинула меня, ныряя из полумрака лестничной площадки в полумрак прихожей. Развернулась и, уперев руки в бока, не то обиженно, не то обиженно-шутливо возмутилась: – Ты вообще нормальная?! Столько времени от меня прячешься. И почему я узнаю не от тебя, а от Лехи, что вы разводитесь?!

Вообще-то сначала пряталась Фьярра. Ну а потом и я за компанию. Просто не было желания ни с кем встречаться, куда-то ходить, кому-то улыбаться. Делать вид, что все у меня в ажуре.

Но если уж мне не суждено вернуться в Адальфиву и даже проклятие снять не светит, надо брать себя в руки и сметать в совок судьбы осколки жизни.

Собрать их, как пазл, в законченную картину.

– Такие разговоры на трезвую голову не ведутся.

Чмокнула подругу в щеку, искренне радуясь, что она не разобиделась на меня за то, что столько времени ее избегала, а, оставаясь верной самой себе, пришла разбираться. И поддержать в непростую минуту.

– Потому и позвала тебя в клуб, – подпирая плечиком стену, заговорщицки улыбнулась Даша.

– А может, лучше дома напьемся, – кивнула на непочатую бутылку вина, которую, возвращаясь из Ведьмовского, с горя прикупила в супермаркете через дорогу.

Вместе с сосисками и творогом.

Вообще-то я со спиртными напитками в контрах. Они не очень дружат с моим организмом. Но сегодня тому придется смириться и потерпеть, потому что его хозяйке жизненно важно расслабиться и забыться. После таких-то разочарований и обломов.

– Ты уже срослась с этим своим домом, – беззлобно проворчала моя гипотетическая жилетка, приглаживая собранные в высокий хвост волосы и подушечкой безымянного пальца поправляя в уголках губ ядрено-красную помаду.

Рядом с Дашкой – фигуристой брюнеткой модельного роста, я выглядела первокурсницей или подростком, только что выпущенным из школы. А сейчас, с короткой стрижкой и макияжем «без макияжа», и вовсе могла сойти за девочку пубертатного возраста.

– Анька, паспорт возьми, – словно угадав мои мысли, весело посоветовала подруга. – А то тебе крепче сока ничего не нальют. Ты, вообще, когда успела так похудеть и помолодеть?

Пока была в другом мире, а моим телом владела одна хитромудрая девица.

– За это спасибо стрессам и краху личной жизни, – призналась вслух и, кстати, совершенно искренне.

Пожелав все еще обиженному на меня Котею Котеньевичу быть добрее, щелкнула выключателем и захлопнула входную дверь.

Еще одна подстава – мерзнуть два месяца в одной зиме, чтобы, так и не дождавшись теплых дней, перенестись в другую. Спускаясь за подругой, на ходу застегивала пальто и обматывала шею непомерно длинным шарфом, при этом честно пытаясь не ухнуть с лестницы на пятнадцатисантиметровых шпильках.

Всею моею пусть и не слишком изящной, но зато страшно удобной обувью, Фьярра облагодетельствовала соседей. Жаль, я не догадалась раздать служанкам ее драгоценности… Выжили одни-единственные ботинки на невысокой танкетке, но они после экскурсии по русской глубинке требовали тщательной очистки.

Загрузившись в такси, мы поехали в центр города, чтобы уже через полчаса выгрузиться возле барной стойки «Инсомнии». Вернее, выгрузились мы у входа в пафосное место, а уже оттуда окунулись в мир ультрамариновых огней, дизайна хай-тек и оглушительного техно.

– Расскажешь, почему рассобачились? – потягивая из закручивающейся спиралью трубочки коктейль (что-то радужное и пахнущее, как фруктовая жвачка – ноу-хау местного бармена), начала двигаться по пути разгадки Даша.

Я цедила мартини и одну за другой уничтожала оливки. Так себе, конечно, ужин, но все же лучше, чем никакого. А еще лучше было бы остаться дома и, как и планировала, зарядиться сосисками с жареной картошкой.

– Он изменил мне.

Рассказать Даше все, от невероятного начала и до такого же безумного финала, я, понятное дело, не могла. Но и в том, чтобы врать близкой подруге, тоже приятного мало. А у меня в последнее время и так одно сплошное вранье и мало приятного. Поэтому решила ограничиться полуправдой, в озвучивании которой за последнее время неплохо поднаторела.

– Действительно, что ль? – вместо того, чтобы вознегодовать и пообещать при следующей же встрече навалять Воронцову за измену, дернула дугами бровей недоверчивая. – Хм… – Это уже глубокомысленно. – А Лешка сказал, что ты ему изменила.

– Вот ведь ж… – Громыхнула музыка, заглотив начало слова, и в итоге я проорала Дашке в ухо: – Опа!

А еще переживала, что чуть хозяйство ему не заморозила. Теперь вижу, что зря. Переживала и не заморозила.

– Нютка, так это правда? Он тебе, а не ты ему? – гипнотизируя заботливым взглядом, подалась ко мне Даша. Накрыла мою руку своей и ободряюще ее сжала. – Вот ведь членистоголовый! Думает, козел, не головой, а…

– Я поняла твою мысль, Даш. – Опрокинула в себя остатки вермута и попросила бармена плеснуть мартини туда, где ему сегодня самое место – в мой бокал. И оливок в вазочку подбросить.

Все, не хочу говорить о Воронцове. Думать о нем – тем более.

– Значит, завтра снова в ЗАГС?

Увы, Даша не собиралась закругляться.

– Угу, как на работу. Будем заявление подавать.

– А если Лешка заартачится и не подпишет?

Тогда точно что-нибудь подморожу. Какой-нибудь жизненно важный орган. И это я не про сердце или то, что находится у него в черепной коробке.

– Подпишет, куда денется.

Вторая порция оливок и вермута испарилась еще быстрее и как-то до обидного незаметно.

Махнула рукой бармену, подзывая, а в следующую секунду чуть не заорала на всю «Инсомнию». Не сделала этого только потому, что из-за опалившей кожу боли из легких выбило весь воздух. Самоцвет накалился до такой степени, что, казалось, на мне только что, как на корове, поставили тавро. Едва не шипя, подталкиваемая неведомой силой, резко развернулась

на стуле, чуть не слетев со скользкого сиденья. Затуманенный болью взгляд выхватил пробирающихся сквозь разгоряченную, забрызганную каплями огней толпу двух бугаев в строгих черных костюмах. Расчищавших дорогу…

Наверное, я бы все-таки свалилась, если бы Дашка мертвой хваткой не вцепилась мне в плечо. Вдохнула полной грудью кондиционированный воздух – раз, другой. Сердце стучало с такой силой, словно вдруг стало перчаткой невидимого боксера, в качестве груши для битья использовавшего мои ребра.

Подалась вперед, услышав свой собственный ошеломленный шепот:

– Не может быть…

И в мыслях завопила:

«Герхильд?!»

Это не могло быть правдой. Безумной фантазией, алкогольной галлюцинацией… Чем угодно!

Кем угодно, но только не Скальде.

Бессчетное множество раз в своих самых дерзких мечтах рисовала я себе этот момент. Представляла, как тальден, благополучно позабыв об обмане, является за мной и возвращает в сказку. Но проходили дни, те стягивались в недели, а ледяным принцем на белом фальве в моей жизни даже не пахло. Я уже почти поверила, что Фьярре удалось обвести, теперь уже своего мужа, вокруг пальца и стать для него любимой, единственной, неповторимой.

Стоило закрыть глаза и увидеть их вместе, как руки чесались что-нибудь разбить или добавить всему, что попадалось в поле зрения, ледяного блеска. И вот, спустя месяц, квартира нуждается как минимум в косметическом ремонте: обои пузырились и опадали целыми полосами, как порыжевшая листва по осени, и никакие проветривания не помогали избавиться от сырости, протравившей стены и мебель.

Надеялась, если не придет за мной, то хотя бы явится за драгоценной силой. Но, может, его великолепие ведать не ведает, что ее лучезарность мало того что лгунья, так еще и пустышка. Может, обман раскроется только после рождения ребенка. Или того хуже: когда наследника-дракона в двенадцатилетнем возрасте начнут испытывать на наличие магических способностей.

Двенадцать лет без Герхильда… Стоило так подумать, как предложение Казимиры по поводу душеочистки уже не казалось таким бредово-паршивым.

Кулон тем временем продолжал безбожно жечь кожу, а «алкогольную галлюцинацию» то раскрашивало ультрамариновыми вспышками, то, словно ластиком, стирало тьмою.

– Ань? Ты кого это там все высматриваешь?

Брови Дашки соединились в сплошную ниточку-линию. Подруга хмурилась, пытаясь понять, какие шальные мысли слетаются, как на ведьмовской шабаш, ко мне в голову. Бармен что-то спрашивал. Кажется, уточнял, звала ли я его, чтобы подлил мартини.

Но я была далека от зеркальной стойки, в которой один бокал на высокой ножке являлся продолжением другого (жаль, нельзя положить в рот отражения оливок), и как зачарованная мысленно следовала за своим миражом.

Пиджак на таком желанном глюке сидел как влитой. И наверняка от него тоже одуряюще пахло зимой. От глюка, а не от пиджака, само собой. Ну то есть от них обоих. Этого мужчину, как и настоящего Герхильда, окружала аура мощной, всесокрушающей силы. Она давила на меня даже издали, пробирала холодом. От которого танцующие шарахались охотнее, чем от секьюрити лжедракона. Опускали взгляды, словно придворные перед императором.

В попытке вырваться из наваждения хорошенько себя ущипнула. Моргнула один раз, другой. Эффект нулевой. Видение никуда не делось, все с тем же отмороженным видом пробиралось сквозь толпу, беснующуюся на танцполе. Пробиралось, чтобы все-таки куда-то деться: по закручивающейся винтом лестнице подняться наверх и скрыться от меня в вип-зоне.

Кулон снова ужалил жаром, напоминая, чтобы скорее выходила из коматозного состояния и шла за земной версией Скальде.

«Надеюсь, тебе станет легче», – вспомнились слова колдуньи.

Сомневаюсь, что двойник второго мужа заменит мне этого самого мужа, но просто проводить незнакомца взглядом и как ни в чем не бывало вернуться к задушевному разговору с Дашкой – такой железобетонной выдержкой я, увы, не могла похвастаться.

Зад выскользнул из объятий стула, я ускользнула от подруги, бросившей вслед недоуменное:

– Аньк, ты куда? Эй, Королева!

Я что-то ей ответила, а может, и нет. В голове гудело от бухающей со всех сторон музыки, от ударов сердца, казавшихся еще более оглушительными, чем это мозгодробильное техно.

Скорее… Скорей!

Не чувствуя под собой ног, вообще ничего не чувствуя, кроме острой пульсации в висках, поспешила наверх. Мне во что бы то ни стало нужно было увидеть его снова, рассмотреть каждую черточку, каждый фрагмент любимого лица.

И плевать, что это лицо чужака, случайно, а может, и нет, повстречавшегося мне в ночном клубе. Я только разок на него взгляну и сразу уйду. Сфотографирую глазами, на долгую память, и обратно к Даше.

Поднялась наверх сомнамбулой. Остановилась, напряженно озираясь. Столики для вип-посетителей «Инсомнии» располагались в отдельных ложах, спрятанных от любопытных глаз пепельно-синими шторами, с золотым отливом, благодаря вплавленным в потолок точечным светильникам. Многие занавеси были задернуты. Голоса и смех диссонировали с очередным музыкальным треком, наполняя эту гигантских размеров клетку оглушительной какофонией. В голове тоже что-то «какофонило»: наверное, вопил внутренний голос, уговаривая повернуть обратно и не искать на свои неполные девяносто новые неприятности. Но увидев в конце коридора, который только что лизнул луч прожектора, уже знакомого бритоголового, решительно направилась вперед.

Каблуки с металлическими набойками стучали провокационно громко, привлекая ко мне совершенно ненужное сейчас внимание. Завсегдатаи мажорных лож, те, что не отрезали себя от мира клуба складками штор, провожали меня мимолетными взглядами и тут же обо мне забывали.

Предательски дрогнули колени, когда увидела его, моего драконозаменителя. Расстегнув пиджак, незнакомец вальяжно развалился на диване, совсем как Скальде, и что-то сказал девице в мини – официантке с приторно-слащавой улыбкой.

– Здесь не гуляют, – преградил мне дорогу охранник.

– Но я только… – вытянула шею, пытаясь получше рассмотреть Герхильда. Его идеальную, совершенную копию.

Это даже неприлично – быть настолько похожими.

– Давай, поворачивай.

Без лишних церемоний секьюрити схватил меня за локоть, собираясь отволочь обратно.

Всколыхнулись шторы. Сотрудница ночного клуба выпорхнула из ложи, и я почувствовала, как острый, хищный взгляд стальных глаз скользит по мне, цепляясь за жемчужины-пуговицы, расстегивая их и срывая.

– Давай отсюда! – хамовато повторил шкаф в костюме.

– Антон! – Взмах руки, после которого громила перестал беспардонно меня пихать. Небрежному жесту вторил ровный, ничего не выражающий голос: – Пусть заходит.

Глава 3

Охранник молча посторонился, пропуская меня к знакомому незнакомцу, под взглядом которого блузка и джинсы как будто стали невидимыми. Или их просто на мне не стало. По крайней мере, чувство было такое, что стою перед ним голой. Разум вопил о незамедлительной капитуляции, но я подобно глупому мотыльку, ослепленному пламенем, слишком ярким и слишком опасным, полетела к нему, хоть и понимала, что без ожога отсюда не уйду.

– Составишь компанию? Люблю настойчивых девушек, которые не стесняются действовать и знают, чего хотят. – Широкая ладонь погладила кожаную обивку сиденья. Диван, формой напоминавший подкову, взял в плен стол с черной глянцевой поверхностью.

Точно так же, приглашая ловить момент и присаживаться рядом, суррогат его великолепия собирался пленить меня. Впрочем, никакое это было не приглашение – приказ, произнесенный обманчиво мягким, с легкой сигарной хрипотцой голосом.

Нас разделяла круглая столешница, вся в каплях света – отражениях точечных светильников, и остатки моего здравого смысла, успешно уничтожаемого тоской по любимому. Хотелось, чтобы остановилось время, и просто всматриваться в лицо этого человека. Почти что Герхильда. Если забыть о том, что у синтетического аналога моего наркотика волосы короткие. А так все при нем: тот же льдистый взгляд, хищный прищур и тьма в глубоко посаженных глазах.

А еще усмешка, жесткая и циничная, отпечатавшаяся на четко очерченных губах, когда он нарушил затянувшееся молчание:

– Что, девочка, испугалась и передумала знакомиться?

Он весь излучал жесткость, уверенность в себе, давящую и подавляющую силу.

Наверное, потому, как будто им загипнотизированная, покорно выронила:

– Аня.

– Александр.

«Твой господин», – реплика так и осталась невысказанной, но явно прозвучала в его мыслях.

– Садись. – Это уже точно была не просьба. Нетерпеливо произнесенное требование, сдобренное легким похлопыванием по сиденью.

Появление официантки прервало наше странное общение: взгляд глаза в глаза и короткие фразы между долгими паузами.

В изящной руке блеснул бокал, на треть наполненный не то коньяком, не то в *и*ски, с утопленными в нем кубиками льда.

– А вы что-нибудь будете?

– Аня-а-а, – позвал Александр, растягивая мое имя, как будто пробовал его на вкус и смаковал каждый звук, – девушка спрашивает, что будешь?

– Ничего, спасибо, – отозвалась сипло, пытаясь выпутаться из липкой паутины наваждения, но вместо этого все больше в ней увязала. – Я просто…

Просто дура, а не Аня, как оказалось.

– Ладно, она потом закажет. Когда определится, – отпустил официантку Скальде.

«Черт, Александр», – забило гол в ворота моего сознания все выпитое ранее.

Сотрудница клуба исчезла, бесшумно и бесследно. Наверное, нужно было последовать ее примеру и бежать к Даше. Куда угодно, лишь бы от этого мужчины подальше.

Ведь он ненастоящий Скальде.

Но предусмотрительный Антон уже задернул драпировку, заточив меня, как в клетке, в вип-зоне.

– А ты миленькая, – продолжая пожирать меня взглядом, сделал глоток, а заодно и комплимент Александр. – Есть восемнадцать?

– Еще не исполнилось, – соврала в надежде, что после этого он сам меня отсюда попросит. А в ответ получила еще одну ухмылку.

– Точно испугалась, – отпружинился от дивана хищник. Оказавшись рядом, приподнял мое лицо за подбородок, вглядываясь, изучая, рассматривая. Заставляя дыхание сбиваться, а кожу покрываться мурашками. – Зачем тогда за мной шла?

Вот ведь глазастый.

– Обозналась, перепутала с другим. Бывает, – улыбнулась натянуто и отступила, лишая себя прикосновения горячих пальцев.

Чужих.

Хватит, Королева! Перестань обманываться! Это не Скальде. Всего лишь его копия. И как выяснилось, не самая удачная.

Попытка сбежать с треском провалилась, когда меня, схватив за руку, резко вернули обратно. К столу, в аромат дорогих сигарет, смешанных с горечью одеколона, и стальные объятия, в которых было тесно, жарко, неприятно.

Несмотря на схожесть с тем, в чьих объятиях было безумно приятно.

– Не ломайся, девочка, – хриплый шепот обжег, ударил наотмашь. Отрезвляя и окончательно рассеивая туман в голове. – Я притащился сюда черт знает откуда и черт знает зачем. Ну хоть теперь вижу, что притащился не зря. Давай, малышка, посиди со мной.

Ну, спасибо, Казимира, удружила! Приволокла магией ко мне этого типа. Вернее, я сама к нему приволоклась. Но если бы он не нарисовался в клубе, ведомый чарами колдуньи, я бы сейчас преспокойно сидела за барной стойкой, поглощала оливки и перемывала косточки своему бывшему.

А так приходится уворачиваться от губ, так похожих на губы, что сводили с ума поцелуями. Мысленно ругать себя, ведьму, двойника и шипеть сквозь зубы:

– Здесь полно малышек. Уверена, найдешь такую, которая захочет с тобой и посидеть, и выпить!

– Ты сама ко мне пришла, и я хочу тебя, – не сказал – отрезал, никак не реагируя на мое сопротивление, и добавил с холодной усмешкой, как будто заключал на деловой встрече сделку: – Аня, сколько?

От такой наглости я не просто лишилась дара речи – я пришла в крайнюю степень обалдения, ошеломления и офигения. Наверное, потому, вместо того чтобы зарядить этому замагиченному промеж ног, позволила усадить себя на стол. Грубо впиться пальцами мне в бедра и бесцеремонно вжать меня в то самое место, в котором у Герхильдовой подделки в данный момент происходили все мыслительные процессы. Уже потом, когда ощутила боль от жадного укуса-поцелуя, меня накрыло осознание, что он собрался со мной сделать.

Здесь и сейчас? Твою ж мать!

Нужно было срочно себя спасать!

Прокатывающаяся по клубу штормовыми волнами музыка поглотит любые звуки, охранники никого отсюда не выпустят и никого сюда не пропустят. Мне на помощь.

– Какая я тебе шлюха?! Пусти… Отпусти, кому говорю! – наконец прорезался голос. А с ним и желание хорошенько долбануть урода.

Но первая же попытка ударить кулаком в будто каменную грудь, оттолкнуть его от себя подальше, оказалась пресечена жестко и яростно. Мне с силой сдавили запястья, а в следующую секунду ладони под тяжестью мужских рук как будто впаяло в глянец холодной столешницы.

– Строишь из себя недотрогу? Понятно, девочка, набиваем цену, – ужалил поцелуем скулу и снова принялся терзать мои губы, выдыхая в них издевательский шепот вперемежку

с пыточными поцелуями: – Ну же, детка, посиди спокойно, будь хорошей девочкой. Хорошим девочкам полагается сладкое и награда за старания.

Голос его звучал низко, хрипло, утробно, как будто вырывался из глубин темного естества. Не то одурманенный чарами, не то похотью… А может, этот Александр всегда такая сволочь и привык получать все, что хочет. Даже если это «все» его совершенно не хочет, и его (меня то бишь) от этого членистоголового, как сказала бы Даша, воротит.

Звук молнии, чиркнувшей на брюках, стал последней каплей. Меня накрыло паникой, обидой, злостью. Грудь знакомо заныла от пробуждающегося внутри холода. А от ледяного крошева, рассыпáвшегося под кожей, блеклым свечением пробивавшегося сквозь поры, заныла каждая моя клетка. Снежный ком в том месте, где отчаянно колотилось сердце, разрастался, готовый крушить и сметать все на своем пути.

Вот и этого фальшивого тоже смело, от меня подальше. К тонкой фанерке, на которой и распластало подобно Витрувианскому человеку, надежно приковав ледяными кандалами к хлипкой стенке. Пунцового, с приспущенными штанами.

Н-да, опупеть какой мачо.

– Что за х… – матерное слово приглушил намордник изо льда.

Сейчас в этом человеке, испуганно выпучившем глаза, дергающемся, как муха, запутавшаяся в паутине, не было ничего от моего любимого мужчины.

Штора тоже конвульсивно дернулась, отъезжая в сторону, и в комнату, привлеченные шумом, ворвались секьюрити. Да так и застыли с раскрытыми ртами, глядя на расползающиеся по стене ледяные наросты, змеящиеся от раскинутых рук и ног лжедракона. А я меж тем, не теряя времени, просочилась в щель между «шкафом» номер один и «шкафом» под номером два и припустила по забрызганному огнями коридору, отчаянно надеясь, что из состояния шока охранники выйдут нескоро. А когда выйдут, направят все усилия, чтобы отодрать от стены Александра Хреновича, и не станут ловить подморозившую его девчонку.

По закручивающейся спиралью лестнице не спустилась, а слетела. Хорошо, что не кубарем и (о, чудо!) ничего себе даже не ушибла. Чернильные кляксы, одна за другой, расползались перед глазами, в ушах гудело, и от этого звукового-светового шоу голова готова была треснуть.

– Аня! Аня!!! – перехватила меня где-то в толпе Дашка и завизжала в самое ухо, стараясь перекричать грохочущую, несущуюся к нам со всех сторон музыку. – Блин! Ты так меня напугала! За каким чертом поперлась наверх?! Королева!!! – встряхнула со всей силой, на какую была способна.

– Пожалуйста, давай выйдем на улицу. Здесь дышать нечем.

Я действительно задыхалась. Воздух был спертым, пропитанным алкоголем, духами, пóтом, и каждый вдох был для меня сродни подвигу. Голова уже не кружилась – кружился весь мир вокруг. Не то танцующие вдруг стали попрыгунчиками, а с ними запрыгали и прожекторы на стенах, и диско-шары под потолком-полусферой, не то это у меня перед глазами все скакало и мельтешило.

Меня все еще потряхивало от выплеска силы, от всего, что там случилось.

Посидела, называется, с подругой в клубе.

Лишь когда закрывшаяся за нами дверь приглушила очередной техно-трек, а на смену рокочущей музыке пришли другие звуки: рев носящихся по проспекту машин, голоса прохожих, свист хозяйничавшего где-то над крышами ветра, я шумно вобрала в себя сырой ноябрьский воздух и, привалившись к стене, замерла, ожидая, когда сердце перестанет крушить мне грудную клетку.

– Ань, на тебе лица нет, – взволнованно выдохнула Даша, лицо которой, несмотря на обилие макияжа, тоже не могло похвастаться яркими красками.

– Я…

Поняла, что вот прямо сейчас сползу на землю, потому что ноги больше не держат.

– Черт… – еще больше заволновалась Даша. – Это тебя после двух бокалов так развезло? – Успела подхватить меня под руку и, с горем пополам удерживая, принялась рыться в своей сумочке. Моя была зажата у нее под мышкой. А вот наши пальто остались где-то в клубе, – вяло проползла в сознании мысль.

– Даш, ты что делаешь? – облизнула ужаленные поцелуями губы.

– Лешке звоню. Он здесь через два дома квартиру снимает. Пусть отвезет нас…

Зажмурилась, понимая, что только бывшего мне сейчас для полного счастья и не хватает.

– Не надо Воронцова, – взмолилась жалобно.

– Не надо так пугать меня, Королева! – Подруга глухо ругнулась и, завопив: – Леша! – что-то затараторила в трубку.

* * *

Ледяное пламя горело, обжигая ладонь. Соприкасаясь с магией волшебных цветов, сила тальдена уничтожала их один за другим. Тусклым крошевом лепестки осыпались на пол, таяли, растекаясь лужицами по шероховатому камню. Вот уже который час Скальде пытался представить себе ту, которую никогда не знал. Девушку, которую никогда не видел.

Укравшую не только родовую силу. Казалось, Фьярра… – мужчина горько усмехнулся, поправив себя мысленно, – нет, теперь уже Аня, забрала с собой и часть его сердца. А может, все целиком прихватила, потому что сейчас Ледяной его в себе не чувствовал. Не чувствовал ничего, кроме холодной решимости.

Как можно скорее прекратить начатое моркантой безумство.

Увидеть девушку, ему совершенно незнакомую, так и не удалось. Превратив в ледяную пыль очередной цветок, тальден приказал привести ари, надеясь, что та не будет снова так раздражающе блеять и падать в обморок от страха при виде наследника, а сумеет с помощью цветка Арделии показать ему иномирянку. Проскользнув в покои будущего императора, девушка замерла, как служанка на пороге, не решаясь ни приблизиться к ледяному магу, ни поднять голову, ни уж тем более встретиться с ним взглядом.

Скальде ответил на приветствие алианы, опустившейся в низком реверансе, мрачным кивком, невольно вспомнив о том, что произошло между ними накануне…

…Чудо, что Фьярра осталась жива. Чудо, что сумел остановиться, удержался от соблазна выдавить из хрупкого тела признание вместе с жизнью. После сбивчивого рассказа девушки пламя ярости обожгло что-то внутри. Обожгло до боли, настолько острой, что хотелось одновременно, чтобы продолжала говорить и чтобы тут же умолкла…

Повинуясь безмолвному приказу, алиана робко пересекла спальню, коснулась ледяного цветка кончиками пальцев, несмело забирая его из рук дракона.

А услышав требование, произнесенное глухим, лишенным эмоций голосом:

– Покажи мне ее, – покорно прикрыла глаза, воскрешая в памяти образ той, чьей жизнью жила последнее время. Представляя девушку, за которую выдавала себя по приказу эссель Блодейны.

Скальде смотрел на алиану, не в силах отвести взгляда. Бирюзовый шелк струился по тонкому стану, плавно его обтекая. Волосы, заплетенные в свободную косу, золотистым ореолом обрамляли идеальной красоты лицо. Тонкие черты, чувственные губы, которые когда-то хотелось ласкать, терзать поцелуями. Он готов был смотреть на эту девушку вечно и в то же время не желал ее больше видеть. Не желал слышать этот голос, в котором постоянно звучали молящие нотки.

Не желал ощущать ее рядом с собою.

«Это была ее идея! Клянусь! – вспомнился отчаянный шепот сквозь слезы. Единственный раз Фьярра заглянула ему в глаза, когда задыхалась от сковавшего горло льда. – Клянусь… Поверьте! Все придумала эссель Блодейна. Все она…».

Девушка судорожно вздохнула, когда ледяные тиски, тая, холодными струями побежали по шее, затекая за ворот платья, и, обессиленная, рухнула к ногам мужчины. Скальде отпрянул от девчонки, что перед всею Сумеречной империей назвал своею женою. Отошел подальше, потому что искушение наказать ее так, как в свое время за обман алиан наказывали предки, туманило разум.

И вот эта пугливая, безвольная, ведомая по жизни лань снова стоит перед ним. Он смотрит на нее, совершенно спокойный, внешне невозмутимый. Ледяной, каким был прежде, до знакомства с липовой княжной. Она – бледная, осунувшаяся и, как обычно, смертельно напуганная. Скальде уже казалось, что Фьярра просто не может не бояться, и это еще больше его от нее отвращало.

Пальцы девушки едва заметно подрагивали, удерживая в ладонях невесомый цветок. По полупрозрачным лепесткам пробегали искры, брызжа из хрустальной сердцевины, воспламеняя лед. Вот так и в душе тальдена вчера бушевало пламя гнева. Бушевало до тех пор, пока не выжгло все внутри до пепла, и теперь привычный холод сковал его разум и сердце.

Спустя минуту, которая наедине с алианой стала вечностью, всполохи померкли, и глазам мужчины открылась картина другого мира. Образы расплескались по ледяной глади, с каждой секундой становясь четче, ярче.

«Почему она согласилась стать тобой, участвовать в отборе?» – вопрос, который он вытолкнул из себя, прорычал, справившись с желанием придушить девчонку. Уже после того, как Фьярра, казалось, выплакала все слезы и выжала из себя все слова признания.

«Не знаю, – съежилась на полу алиана, притягивая к груди колени и стыдливо в них прячась. – Из-за мужа, наверное. Аня его очень любит. Или любила. Когда все случилось… они как раз женились», – закончила еле слышно.

Хотя он бы предпочел и вовсе этого не слышать.

Из-за мужа, которого любила…

И с которым Скальде теперь имел возможность, честь и «радость» познакомиться. Потому что цветок показал не только Аню, но и тагрового супруга, с довольным видом несущего на руках бывшую алиану.

Видение, замерцавшее на хрустальной поверхности лепестков, вспороло сковавший разум лед, подожгло в венах кровь, выталкивая на поверхность сознания ревность, гнев, злость.

Теперь все вставало на свои места. Вот почему ее так тянуло к Крейну! Вот почему их так часто видели вместе. А ведь Скальде был уверен, что все это происки Хентебесира! Но теперь… Нападение на Снежном балу… Был ли виноват только герцог или наказания заслужили оба: Крейн и фальшивая невеста?

Двойник герцога бережно уложил девушку на ютившуюся в крохотной комнатушке кровать. Аня была такой же хрупкой, такой же миниатюрной, что и эсселин Сольвер. Только волосы темнее, а еще короткие. С ними и в странных штанах, до неприличия облегающих округлые бедра, она походила на мальчишку-пажа. Жаль только, что на иномирянке, как на императорских слугах, не было наглухо закрытой куртки. А то, что было, назвать одеждой язык не поворачивался.

Скальде поймал себя на том, что думает о каких-то глупостях. Глупостях, от которых голова шла кругом, и самообладание, подобно волшебным цветам, разлеталось осколками. Вонзившимися в сердце, когда Крейн-муж опустился на кровать рядом со спящей девушкой. Когда собственническим жестом убрал скользнувшую на лицо прядь и наклонился, чтобы поцеловать. Неважно, что только в висок. Неважно, что мимолетно. Скальде дернулся, будто

от удара, сжигаемый осознанием, что не может сейчас же оказаться с ней рядом и отшвырнуть от нее герцогского двойника.

Исподволь посмотрев на Ледяного, Фьярра испуганно вздрогнула, но цветок из рук не выпустила. Крепче сжала его в побелевших от холода ладонях, с жадностью ловя каждый жест и взгляд мужчины из другого мира.

Отражающаяся в ледяных лепестках девушка тревожно заворочалась. Не то пыталась оттолкнуть от себя мужа, не то, наоборот, желала оказаться к нему ближе.

– Все хорошо, я рядом.

Он заботливо накрыл ее одеялом и устроился подле нее на кровати.

Фьярра тихонько всхлипнула, но тут же закусила губу в тщетной попытке справиться с неприятными чувствами.

– Хотела бы сейчас оказаться на ее месте? – усмехнулся Герхильд, усилием воли возвращая себе былую сдержанность.

Ее лучезарность не ответила, продолжила кусать губы и впиваться взглядом в цветок Арделии. В небесно-голубых глазах снова стояли слезы, но на этот раз Скальде готов был поклясться, это были не слезы страха. Ревность, обида, злость – вот что сейчас испытывала алиана.

– Скоро твое желание исполнится, – мрачно пообещал ей тальден, забирая цветок.

В последний раз бросил взгляд на девушку, безмятежно уснувшую на плече другого. Того, кого уже почти что ненавидел. В последний раз позволил яду ревности отравить ему душу.

В последний раз позволил себе чувствовать.

Глава 4

Снежка хлебом не корми, дай с утра пораньше «умыть» хозяйку и от души по ней потоптаться. Вот и сегодня кьерд не отличился оригинальностью, устроил мне топтально-умывальную программу. Массаж, душ, будильник – все в одном флаконе, вернее, кьерде. Который явно не собирался оставлять меня в покое, продолжал мять лапами шею, проводил шершавым языком по подбородку и все пытался подцепить когтями одеяло, дабы стянуть его с меня, очевидно считая, что лентяйке уже пора просыпаться.

– Снежок, милый, будь другом, пойди кого-нибудь другого полижи, – попросила сквозь дрему, натягивая повыше простыню.

Веки, словно спаянные, никак не желали разлепляться. А я, несмотря на назойливое внимание снежного хулигана, ни в какую не желала отлепляться от матраса. Зевнула сладко, вновь погружаясь в сон, и пообещала самой себе, что посплю еще совсем немножко. Самую малость, чуточку, капелюшечку. Ну, может, несколько капелюшечек, пока голова не перестанет напоминать якорь, который неумолимо тянуло ко дну, то есть к подушке.

Не успела отчалить в страну Морфея по морю наиприятнейших сновидений, как на кухне некто неизвестный загремел посудой.

Так, стоп! А откуда в покоях алианы взяться кухонной утвари? Титаническим усилием открыла глаза, чтобы тут же лицом к лицу (или скорее лицом к морде) столкнуться с другим своим питомцем – Котением Котеньевичем, будившим меня с самым корыстным намереньем: чтобы скорее насыпала ему еду. Хоромы алианы вдруг сузились до размеров двушки, а вместо белоснежной туши по мне прохаживалась полосатая и еще более наглая.

Вздохнула печально и почесала кота за ухом. Вот так всегда. Не успеешь проснуться, а настроение уже ниже потолков в хрущевке. При воспоминании о кьерде сердце тревожно заныло. Как он там? С лжехозяйкой. Блодейна ведь привязала его только к телу Фьярры, но вот черную душонку алианы к кьерду привязать не успела. Вдруг из-за этого он страдает? Или того хуже – медленно, мучительно умирает.

Все, все, все, не могу! Не могу больше о нем думать! От всех этих мыслей недолго и свихнуться.

Зашипел кофе, выползая из гейзерной кофеварки и дразня своим ароматом.

– Мам?

Спихнув полосатый будильник на пол, выпуталась из плена одеяла, села на кровати. Чтобы тут же со стоном повалиться обратно и уставиться на рой кружащих под потолком хрустальных бабочек. Это был подарок свекрови – люстра с крылатыми висюльками.

Наверное, голова закружилась из солидарности с бабочками. В последний раз я так паршиво себя чувствовала после возвращения из Адальфивы. Сжавшись в комок, сидела посреди заледеневающей комнаты и смотрела на предателя-мужа. Явившегося домой после работы с тортом и розами. Для Котеночка.

Вот меня и накрыло.

– Ань, это ты?

В руках у благоверного поникли цветы, а с ними и уголки губ, некогда приподнятых в улыбке.

– Я. И, как вижу, тебя это не радует.

Шоколадный бисквит превратился в торт-мороженое, огненно-красные лепестки тусклыми стекляшками рассыпались по полу.

Хорошо, что Воронцов в тот вечер не рассыпался и не стал мороженым. Хоть верхнюю одежду я ему хрустящей корочкой все-таки покрыла.

Выплеск магии и сильнейшие потрясения сделали свое дело. Высказав Леше все, что думаю, о нем и его приживалке, я потеряла сознание. Должно быть, вчера в клубе случилось то же самое. Я дала волю чувствам, а заодно драконьей силе, после чего благополучно отключилась, так и не дождавшись появления бывшего.

Что случилось потом – хоть убейте не помню. И вот кто-то хозяйничает у меня дома, и что-то мне подсказывало, что никакая это не мама.

– Доброе утро! – вошла в спальню «не мама».

Вошла (ну то есть вошел) по-хозяйски: в пижаме и домашних тапочках, которые уже давно следовало отправить в утилизацию. В руках поднос, на губах улыбка и голос мягкий-мягкий, как сахарная вата, и такой же приторно-сладкий.

– Нют, я тебе яичницу пожарил. С сыром и ветчиной. Все как ты любишь, – завилял хвостом бывший.

Нам, конечно, еще только предстоял развод, но для меня Воронцов уже точно, окончательно и бесповоротно, был бывшим.

Шикнув на Котения Котеньевича, явно перевозбудившегося от запаха яичницы, Лешка уселся на кровать со мною рядом, а кот принялся крутиться у нас под ногами.

– Ты нас вчера так напугала. Ань, опять чудит твоя ледяная магия?

– Ты что, здесь ночевал? – хмуро покосилась на Воронцова, увеличивая между нами расстояние с вытянутого пальца до вытянутой руки.

Видок у него был так себе. Волосы взъерошены, под глазами следы усталости и хронического недосыпания. Не только для меня это был непростой период в жизни, но жалости к предателю я не испытывала.

– Боялся оставить тебя одну. Ты вчера была вообще никакая. За кем ты там в клубе все гонялась?

– Надеюсь, ночевал на диване?

Вздыхает.

– Ань, ты ведь знаешь, какой он скрипучий и неудобный.

– Воронцов, ты у меня сейчас станешь сугробом!

Увы, на создание сугроба пока силенок точно не хватит. А вот на то, чтобы остудить незваного гостя соком – сейчас узнаем.

Выплеснув содержимое стакана в лицо экс-супруга, сразу почувствовала себя лучше. Чего не скажу о Лешке. Поднос с его коленей переместился на кровать, превратившись в добычу полосатого охотника, а бывший муж, перестав изображать из себя мистера Заботу и Внимание, негодующе подскочил на ноги.

А нечего было спать со мной на одной кровати.

– Может, уже повзрослеешь, Королева? – принялся вытираться рукавами.

– Может, наконец отсюда уберешься?

Успела подцепить кусочек сыра, прежде чем до него добралась усатая котячья морда. Я сейчас не в том состоянии, чтобы готовить, а организм требовал калорий.

– Аня, нам надо поговорить, – с явным усилием беря себя в руки, выцедил Воронцов.

– После наших с тобой разговоров мне приходится сушить обои! – Будто откликаясь на мои слова, одна из бумажных полосок, с унылым шелестом отставая от стены, поползла вниз. – И зачем было впутывать во все это Дашку? Рассказывать о моей якобы измене. И маме нафига названивал?!

– А это не ты ли повторно вышла замуж?

Еще и обвиняет? Ну знаете ли…

– После того, как ты променял меня на лгунью, нагло присвоившую себе мое тело, жизнь и мужа!

Благо *не*верный (да и благого в нем тоже замечено не было) потер ладонями лицо и резким движением пригладил волосы.

– Аня, ты даже представить себе не можешь, как я поначалу злился на нее. После неудавшегося медового месяца, во время которого она не подпускала меня к себе, а я все голову ломал, что между нами происходит, мы вернулись домой. Спустя пару недель Фьярра призналась, что сбежала из своего мира, испугавшись свадьбы с драконом. С драконом, мать вашу! Я тогда чуть не свихнулся и тебя, ее то есть, не отправил в психушку. А когда окончательно осознал, что ты – это действительно не ты, готов был ее убить. Несколько раз порывался даже выгнать. Но ведь это бы все равно ничего не решило. Это было твое тело, и я не мог им рисковать. Не мог ее отпустить. А потом…

– Все твои мыслительные процессы незаметно переместились в другое место.

– Сам не знаю, как так вышло, – не то соглашаясь с моей ремаркой, не то размышляя вслух о чем-то своем, пробормотал Леша.

Весь такой из себя потерянный и уставший опустился в кресло, приставленное к туалетному столику, который мог запросто сойти за рабочую зону бьюти-блогера. Фьярра была беспощадной в отношении семейного бюджета, и мне так и не хватило духу подсчитать, хотя бы примерно, сколько кровно заработанных, заработанных Воронцовым, ушло на бижутерию, тряпки и косметику.

– Ты же знаешь, я не из тех, кто долго злится. Спустя какое-то время меня попустило, и я невольно начал ей сочувствовать. Да мне просто стало жаль девочку! Ее в Адальфиве за человека не считали. Там всем было плевать на Фьярру. Дикий, сумасшедший мир.

– Это ты мне говоришь? – хмыкнула, зацепляя вилкой кусочек ветчины, за что была удостоена негодующим котячьим фырком.

На тарелке оставалась еще жареная помидорка, но к овощам мой воспитанник всегда относился холодно. А вот теперь и ко мне тоже. После того как умыкнула последний лакомый кусочек.

– Знаю, не должен был подпускать к себе Фьярру, но каждый день видеть ее такой… Грустной, подавленной, с утра до вечера тоскующей в одиночестве… Ань, я сам здесь чуть с ума не сошел.

Лешка прикрыл глаза и чему-то грустно улыбнулся, наверное, воспоминаниям о своем легкоранимом ангеле. Хотя, как по мне, Фьярра – хорошо замаскированный черт в юбке.

– После всего, что пережила в Адальфиве, она нуждалась во внимании и моей поддержке. Я начал показывать ей город. Мы гуляли каждый вечер, пока стояла хорошая погода. Разговаривали, знакомились друг с другом и сами не заметили, как влюбились.

– Все это, конечно, очень романтично, но, Леш, я это уже сто раз слышала и не пойму, зачем мы опять говорим о Сольвер? Нужны свободные уши? Ну так давай к Даше, раз вы такие подружки. Ей рассказывай о драконах и своих возвышенных чувствах.

Вспомнив о кулоне, поспешила снять с себя злополучное украшение. Тусклая стекляшка хранила тепло моей кожи, но, к счастью, не обжигала, как прошлой ночью. И чтобы такой оставалась и дальше – обычным камешком, а не путеводителем для всяких драконьих гадоаналогов – сунула зачарованное украшение в первую попавшуюся шкатулку. По-хорошему, нужно было сразу выбросить в ведро. Но сейчас куда важнее выбросить из квартиры Воронцова, а там уже и с кулоном разберемся.

Увы, Лешка не торопился выбрасываться. Вместо того чтобы переодеться и проваливать в направлении ЗАГСа, продолжал делиться со мной надеждами и переживаниями. Говорил, что ему безмерно жаль, что все так получилось, и что мы непременно должны остаться друзьями.

Лучшими, блин, и непременно закадычными.

– Думаешь, я не ругал себя за эти чувства? Думаешь, не беспокоился о тебе? По сто раз на день задавался вопросом: как ты там, что с тобой. Но, Ань, согласись, между нами уже давно не было искры. А Фьярра другая… Да, я потерял голову. Да, влюбился как мальчишка. Но разве с тобой не произошло то же самое?

Хмуро покосилась на отставного мужа, пристраивая шкатулку обратно к стойке с помадами. Хотя никакая это не стойка – это самый настоящий небоскреб, Эйфелева башня. Рядом стояла такая же с лаками. По-видимому, Фьяррочка ногти по пять раз на день перекрашивала.

Пока я за нее на отборе невест отдувалась.

– Ну так если не было искры, зачем предлагал за тебя выйти?

– Нам ведь было хорошо вместе, – пожал плечами экс-благоверный. – Да и мама постоянно на мозги капала, как ей не терпится внука понянчить. И что мы идеальная пара и после стольких лет вместе пора уже расписаться.

– Мама? – Я вдруг почувствовала неожиданный прилив бодрости. Кожу знакомо защипало морозцем. Все, хана обоям. А может, и Воронцову. – Хочешь сказать, ты женился на мне по совету мамы?

Это, господа товарищи, полный аут.

Лешка весь подобрался, важно выпятив грудь. Он всегда принимал такую индюшиную позу перед каким-нибудь очень важным (для него) разговором.

– В общем, Ань, ты как хочешь, а я сегодня подавать заявление не пойду.

– Что, мама не советует?

– Да просто ты здесь надолго все равно не задержишься. Скоро твой Скальде утащит тебя обратно, и тогда вернется Фьярра.

Погодите-ка…

– Это что же получается, ты не со мной не хочешь разводиться, ты с ней не хочешь разбегаться? – Помидорка-черри, сорвавшись с вилки, шмякнулась коту на филейное место, что вызвало у Котения Котеньевича новый всплеск раздражения. – Хочешь, чтобы я оказала Фьяррочке услугу и повременила с разводом? – уточнила вкрадчивым голосом.

Кивнул. И даже улыбнулся скупо. Скупо и, надо сказать, очень зря. Эта его улыбка и послужила катализатором очередного магического взрыва.

Не сдержавшись, прорычала глухо:

– Давай, Воронцов, знакомиться заново. Я – Аня. Ты – ледяной труп!

С трупом я, конечно, погорячилась, но к креслу нарушителя покоя и душевного равновесия основательно приморозила. В прямом смысле этого слова. Почувствовала, как кожу начинает колоть от холода и голубоватое свечение окутывает ладони, чтобы уже в следующую секунду плеснуть в опешившего Воронцова. Лешка даже пикнуть не успел, как оказался связан по рукам и ногам.

Еще легко отделался. Пусть спасибо скажет, что не распяла на стенке, как вчерашнего истребителя моих нервов.

Ледяные кандалы защелкнулись на запястьях мятежника, тапочки, а с ними и ноги, приросли к полу благодаря ледяным же наростам. Созданные магией веревки, будто свитые из хрустальных нитей, оплели грудь уже не моего мужчины, намертво впечатав его в мягкую спинку.

– Все еще не хочешь развода? – переспросила с ласковой улыбкой.

Кажется, мы с магической силой наконец оказались на гребне одной волны. Поняли друг друга не то что с полуслова – с полумысли. Не успела я нарисовать в сознании картину: «Леша в плену у кресла», как магия Герхильдов успешно воплотила эту мою фантазию в жизнь.

– Совсем охренела?! – заверещал муж недорезанной свиньей. Или скорее кабаном: диким, напуганным и страшно злым. – Проклятье, Королева! – рыкнул типа грозно, но потом, пораскинув мозгами, решил избрать другую тактику и, нервно сглатывая, залебезил: – Аня,

Анечка, ну же, прекрати это. Освободи меня скорее. – Видя, что не спешу превращать лед в талую воду, снова завопил не своим голосом: – Ненормальная! Психичка!!! Ум-м… у-у-у…

Может, открыть фирму по производству ледяных намордников? А что, мне кажется, такой товар будет пользоваться спросом.

Коротко мяукнув, не то выражая протест против магического беспредела, не то соглашаясь с моими воспитательными методами, Котений Котеньевич благоразумно перебрался в безопасное место – под кровать. Подозреваю, Лешка с удовольствием последовал бы его примеру, но иномирская сила держала крепко.

Я подошла к мужу, отчаянно вырывавшемуся из ледяных пут. Лучше бы с таким же рвением в ЗАГС просился, подписывать заявление о расторжении нашего никчемного союза, и радовался бы, что наконец разбежится с «психичкой».

– Повторяю еще раз: будем сегодня разводиться?

Взмахнула рукой, и лед на посиневших губах пошел трещинами.

– Я же уже извинился! – принялся сплевывать ледяную крошку. – Сто раз прощения попросил! За все! Но ты с каждым днем все больше нас ненавидишь!

Вздохнула и устало прислонилась к стене. Вот идиот. Так ничего и не понял.

– Леш, я не ненавижу вас. По крайней мере, тебя уж точно. Да и Фьярра не заслужила того, чтобы испытывала к ней такое сильное чувство. Ей вполне хватит и моего презрения.

– Сколько же в тебе злости! – дернулся, гневно сверкнув выпученными глазищами.

– Леша, ау, включи приемник. Это не злость. Или ты забыл, что со мной произошло? Все то время, пока находилась в Адальфиве, меня шантажировали. Шантажировали твоей жизнью и твоим здоровьем, между прочим! И все ради кого? Ради Фьяррочки, чтобы она потом в том мире сняла все сливки. А ты предлагаешь, чтобы я и здесь ей соломку, а заодно и перинку под задницу постелила? Принцессе на горошине чертовой. Я больше ничего не буду делать ради нее, понял? Ни-че-го!

– Ань, ну разве так сложно еще немного подождать? – затянул свою песню бывший, который никак не желал становиться бывшим. – Что, обязательно сегодня заявление подавать?

– Леш, я и так ждала месяц. Больше не хочу. Может, все так и останется: я здесь, она – там. И что, предлагаешь жить долго и несчастливо, надеясь, а вдруг когда-нибудь нас снова поменяют местами? А если не поменяют? Может, он и не знает, где сейчас его сила, – закончила тихо.

– Фьярра ему все расскажет! – выпалил муженек с фанатичным блеском в глазах.

Все-таки опасная Сольвер женщина. Вон как его призомбировала.

– Сомневаюсь, – хмыкнула.

– Короче, что бы ты там ни говорила, я никуда не пойду и ничего подписывать не буду, – процедил упрямо, дернул подбородком и зубы сцепил, давая понять, что все, точка: на этом наш разговор окончен.

И когда уже успел стать таким упертым?

– Леша, не доводи до греха, – сказала почти шепотом и продолжила мягким, но оттого не менее пугающим голосом: – Я ведь могу тебе не только руки-ноги отморозить, но и кое-какие другие отростки. Один отросток. Вот и подумай, на кой леший ты потом сдашься ей такой, недееспособный. Своему Котеночку.

Откликаясь на мое мысленное пожелание, из пола вырвались ледяные побеги, шустро оплели икры благоверного, безжалостно стянулись на коленях и поползли дальше, медленно, но уверенно подбираясь к самому деликатному.

Воронцов судорожно сглотнул и промычал хрипло:

– Аня… Аня, прекрати! Аня, остановись!!!

– В общем так, дорогой. Сейчас мы едем в ЗАГС и вместе, по обоюдному согласию, подписываем бумаги. Все ясно?

Бараньей решительности во взгляде мужа как не бывало. Эх, вот что за мужик! Даже толком не поборолся за нашу славную, дружную семью.

– Леша?

Кивнул, пусть и вяло, и отвернулся, всем своим видом показывая, что отныне я недостойна не то что его внимания, даже взгляда.

Ну и пожалуйста.

– Да, попробуешь взбрыкнуть, и, поверь, я сделаю все возможное и невозможное, чтобы испортить тебе жизнь. Или лишить здоровья. – В подтверждение моих слов лед захрустел, коконом стягиваясь вокруг Воронцова. – У меня в последнее время нервы и так ни к черту, так что, пожалуйста, перестань меня драконить. До суда я это точно доводить не стану, разберусь с тобой раньше.

Скрипнул зубами, от злости и досады, но продолжать выяснять отношения побоялся. Только выпалил, уже когда выходила из спальни:

– Эй, ты куда? Сними это с меня! Аня, мне же холодно!

– Я – в горячий душ, расслабляться и успокаиваться. А ты пока посиди и подумай, какими могут быть последствия следующего твоего бунта.

* * *

Вскоре мы уже ехали в ЗАГС, в котором расписались три месяца назад. Как сегодня стало известно, расписались с подачи свекрови, в тот погожий августовский день не перестававшей душить меня в объятиях, расцеловывать и рыдать от счастья. Нет, на Елену Вениаминовну я не держу обиды. Мама у Леши мировая, и ее желание понянчить внука мне вполне понятно. Обидно другое… Что Лешка оказался таким ведомым. Ну да ладно, мне с ним по жизни идти осталось недолго. Пусть свекровь, уже почти бывшая, отныне с ним возится.

И зачем ей внуки с таким-то сыночком?

Сегодня, как и в день нашей свадьбы, тоже была суббота. Вот только небо не радовало ясным солнышком – хищно скалилось свинцовой тьмою. По крайней мере, своими формами тучи напоминали щербатые оскалы.

Как будто высшие силы, глядя с небес, насмехались надо мной и моим желанием поскорее обрести свободу.

Я искренне посочувствовала дрожащей от холода новобрачной, вместе со своим избранником позировавшей фотографу в аллее перед ЗАГСом. Рядом крутились друзья и родственники, замерзая и радуясь этому знаменательному событию вместе с новоиспеченными мужем и женою.

Интересно, а вот если бы не семейное проклятие Королевых и мое путешествие в Адальфиву, мы с Лешей были бы счастливы? Вряд ли. Без любви, на одной привычке и обоюдном комфорте, далеко не уедешь. Жаль, что поняли мы это слишком поздно.

Выйдя из такси, я поежилась от пронизывающего ветра и поплотнее запахнула пальто. Приподняла драповый воротник, превращая его из лежачего в стоячий. Больная скоро станет для Воронцова тема, вздумай он заартачиться в ЗАГСе.

Покосилась на нехотя выползающего из машины благоверного. Надо же! Даже не попытался подговорить таксиста и смыться. Видно, магия сумела вразумить и наставить мятежного на путь истинный.

Спасибо тебе, миленькая!

Мы были записаны на полдень, но пришли раньше и теперь сидели в пустом коридоре и в напряженном молчании, ожидая, когда дверь кабинета распахнется и нас пригласят внутрь.

– Ань… – в голосе мужа послышалась мольба.

– Леш, пожалуйста, – откинулась на спинку стула и прикрыла глаза, – не начинай. Я была пленницей в Адальфиве. Дай мне хотя бы здесь почувствовать себя свободной. Отпусти меня, мое тело. Ради бога.

Воронцов насуплено замолчал. Мельком взглянув на него, по угрюмому выражению лица поняла, что с уговорами муж наконец завязал.

В кабинет нас пригласила дородная дама в ярко-лиловом платье. Яркими были и ее губы – первое, что бросилось мне в глаза. А еще высокая прическа с начесом а-ля мадам Помпадур. Ногти тоже поражали остротою и длиною. Ими, как китайскими палочками или клювиком гарпии, Екатерина Никифоровна ловко подцепила пустой бланк и положила его перед нами, взамен попросив документы, свидетельство о браке и оплаченную квитанцию.

– Заполняйте.

И опустилась в скрипнувшее под ее весом кресло.

Я подвинула листок к Леше, а следом и ручку мужу вручила. Сама же принялась раздеваться.

Боже, как же тут жарко!

– Вы не брали фамилию супруга, – приспустив очки, посмотрела на меня сотрудница ЗАГСа.

– Не брала. У нас в семье так принято – оставаться при девичьей фамилии.

Перекинув пальто через спинку стула и избавившись от шарфа-удавки, я покосилась на Воронцова, вяло елозившего ручкой по бумаге.

Заполнив в заявлении графы, отведенные для супруга, Леша на миг замешкался перед финальным шагом – автографом ЗАГСу на память. Но после ненавязчивого пинка под столом встрепенулся и, зло зыркнув в мою сторону, едва не дырявя ни в чем не повинную бумажку, наконец расписался.

– Теперь вы, Анна Игоревна, – просмотрев наши документы, проговорила женщина.

Анна Игоревна с готовностью забрала драгоценное заявление у нелюбимого мужа и, обливаясь по́том, стала быстро вписывать свои данные. Облизнула пересохшие губы, силясь сдержать улыбку. От осознания, что уже совсем скоро этот этап моей жизни закончится, меня охватило сильное, но такое приятное волнение и какое-то радостное возбуждение. Наверное, потому зажатая меж пальцами ручка дрожала, и буквы ложились на бумагу коряво.

С каждой секундой, поднимаясь изнутри жаркими волнами, чувства эти усиливались, кружили голову.

– Как же здесь душно!

Дернула за ворот свитера и резко вдохнула воздух, казавшийся мне раскаленным.

– Может, водички? – участливо предложила Екатерина Никифоровна.

– Да, спасибо.

И пока в стакан из пластиковой бутылки, пузырясь, текла вода, я продолжала дрожащей рукой выводить в заявлении не то буквы, не то иероглифы, но больше смахивало на детские закорючки.

Чувство было такое, что, закутавшись в шубу, сижу в бане. Вторые сутки.

Оставалось расписаться и все, через месяц стану обладательницей заветной корочки.

– Вот, возьмите. – Женщина протянула мне стакан и с беспокойством спросила: – Анна Игоревна, что же вы так разволновались, что вся красная стали? Уверены, что хотите его подписывать?

– Ань, может, передумаешь? – взмолился Леша.

Расправил плечи, вскинул голову – сразу видно, приободрился и ждет, что вот сейчас капитулирую.

– Я…

Сделала жадный глоток, чувствуя, как от духоты в венах закипает кровь. Текст заявления, как назло, расплывался перед глазами, и я никак не могла разобрать, на которой из строк должна расписаться.

Вот гадство-то.

Уже почти мазнула кончиком ручки по бумаге, почти вывела на ней свои инициалы. Почти… И вдруг мир перед глазами кувыркнулся, или что-то у меня в сознании сделало резкий кульбит.

– Аня… Аня-а-а… – звал, будто издалека, и тряс меня за плечо Леша. Секунду или две, а потом я перестала чувствовать его прикосновения, слышать благоверного.

Развестись с которым так и не успела.

Зажмурилась, кажется, лишь на мгновение, в надежде, что вот сейчас эта карусель в голове остановит свой бег. А открыв глаза, вместо небольшого кабинета оказалась в большой комнате со стрельчатыми сводами.

Гобелены, камины, добротная резная мебель. Узоры витражей в окнах и… Скользнула взглядом чуть в сторону и выдохнула, радостно, взволнованно:

– Это ты! – не веря, что все происходит на самом деле.

Что вижу перед собой его, Ледяного.

Моего любимого дракона.

Глава 5

С самого утра настроение у его светлости было преотвратное, и даже выпитое за завтраком ользанское не сумело развеять мрак, что властвовал в душе тальдена. Игрэйт срывался на страже, был груб с придворными дамами, а слуги в дни, подобные этому, когда князь мучился похмельем и мог за малейшую провинность сослать в подземелье, старались не показываться ему на глаза.

– Вина! Я же сказал, еще вина! – яростно прогремел Хентебесир.

Крик разлетелся по залу, эхом отражаясь от стен, просачиваясь в щели старого замка и постепенно стихая в полумраке пустых галерей.

Тальден шумно выдохнул, тяжело откинулся на спинку кресла, которое находил страшно неудобным. Невзрачным и жестким. Не чета тому, что красовалось в тронном зале Ледяного Лога.

– Лентяи, тупицы, олухи, – глухо цедил слова вместе с вином, что еще плескалось на дне чеканного кубка.

От всего выпитого у Игрэйта шла кругом голова. А может, она кружилась и болела от мыслей, что не отпускали его ни на мгновение. Он снова проиграл. Так и не завладел ни Сумеречным престолом, ни строптивой девчонкой…

Яростно зарычав, тальден швырнул кубок о стену, сжал голову руками и зажмурился, сам того не желая, снова погружаясь в воспоминания. От них не спасало даже ользанское. Наяву и во снах князь Темнодолья снова и снова переживал свой крах. Уже месяц не находил покоя. С тех пор, как пропала Леуэлла, а девка Сольвер благополучно приняла силу кузена. Вполне возможно, она уже носит его ребенка. Подарит Скальде Герхильду первенца, и в Адальфиве на одного прóклятого и проклятого дракона станет больше.

Скрипнула, робко отворяясь, у самого трона дверца, вырывая тальдена из мира мрачных размышлений. Пламя факелов мазнуло по хрупкой девичьей фигуре в платье из грубой саржи. Бликами коснулось бледного лица и по-детски маленьких рук, удерживавших поднос.

– Не прошло и полвека, – проворчал Хентебесир, нетерпеливым жестом подзывая девушку к себе.

Служанка заспешила к князю, стуча башмаками, и этот звук показался ей непростительно громким, опасным. Его светлость ведь и не за такое наказывал… Руки предательски дрожали, отчего вино выплескивалось из серебряной чаши.

– Осторожней! Все прольешь, пока дотащишь!

От раздраженного окрика девушка вздрогнула, запнулась, не решаясь приблизиться к дракону, прожигавшему ее таким яростным взглядом, что бедняжке казалось, она вот-вот запылает. Еще один несмелый шаг, сделанный помимо воли, и вдруг служанка рухнула как подкошенная, воплотив в жизнь свой самый наихудший кошмар: вино расплескалось у ног господина.

– Ну что за криворукая дурында! – взорвался князь. Собирался пощечинами добавить краски на бледные щеки служанки, но, не успев подняться, оказался опрокинут обратно в кресло.

Неведомая сила сковала Хентебесира. Со всех сторон повеяло холодом, зашипело пламя над древками факелов. Вспыхнуло ярче, словно сражалось за свою жизнь, и тут же, сдаваясь, погасло. Игрэйт принялся испуганно озираться, позабыв о сжавшейся в комок служанке.

– Стража! – закричал во все горло, ощущая подкатывающую тревогу.

Двери в тронный зал распахнулись, и мертвенный холод хлынул к князю. Пробрался под пышные одежды Огненного, ужалил плоть. Негромко выругавшись, тальден подался вперед, в сгустившемся полумраке пытаясь рассмотреть незваную гостью. Стройную и высокую, в стру-

ящемся по фигуре платье, как будто сотканном из сгустков тумана. Тьма шлейфом стелилась за незнакомкой, змеями оплетала руки, оттеняла лебединую шею воротником-стойкой.

Женщина шла, высоко подняв голову. Так королева приближается к своему трону.

– Ты кто такая? – глухо прорычал князь.

– И это называется радушный прием?

Легким прикосновением унизанных перстнями пальцев красавица поправила идеальную прическу.

– Где мои люди?

– Уснули. Не бойся, не навсегда, – произнесла женщина мягко, но от этой мягкости по спине у Игрэйта пробежали мурашки. – Я пришла к тебе с миром, дракон. И предложением. От которого ты не захочешь, да и не сможешь отказаться.

– Назови свое имя!

Хентебесир моргнул, не без оснований полагая, что незнакомка в ореоле тьмы и короне, зубья которой напоминали осколки мориона – мираж. Результат бесконечных безудержных возлияний.

– Не узнаешь меня? – Тонкие губы изогнулись в улыбке, показавшейся Игрэйту снисходительно-небрежной. – Это ведь ты помог вернуть меня к жизни. Мой спаситель, – ироничное.

Тальден нахмурился.

– Шарлаховое сердце, – подсказала гостья.

– Не понимаю… – растерянно пробормотал Хентебесир.

– Мельвезейн. Темная королева. Владычица подземного мира, – наконец представилась женщина.

Игрэйт шумно сглотнул и, позабыв о том, что стражники, по словам Древней, не то спят, не то уже все умерли, завопил что есть мочи:

– Стража! Стража!!!

– Я же сказала, что пришла с миром, – раздраженно оборвала его богиня. – Тебе нечего меня бояться. Пока что.

– Как… как ты вообще воскресла?

Мельвезейн вздохнула и покачала головой.

– Как же с тобой будет сложно… Повторяю, Шарлаховое сердце. *Мое* сердце. Которое ты, мой храбрый, но далеко не сообразительный дракон, для меня нашел. А сестра перед смертью передала моим слугам.

– Леуэлла? Она умерла? – опешив от всего услышанного и увиденного, одними губами прошептал его светлость.

Богиня пожала плечами.

– Я не чувствую ее, а значит, моей Леу нет в этом мире. Зато ты весь пропах ею. Это ведь ты призвал сестрицу в Адальфиву? И я даже догадываюсь как.

– Как? – ошарашенно переспросил Огненный.

Сейчас князь Темнодолья мечтал только об одном: как можно скорее проснуться, вырваться из плена кошмара, в котором самая могущественная богиня прошлого, погибшая много веков назад, живая, воскресшая и полная сил стояла перед ним.

– В сражении при Нейнском захоронении полегло немало воинов, в том числе и отец твоего кузена. Земля пропиталась не только кровью – силой погибших магов. Ею ты и воспользовался, мощью целого войска, чтобы призвать мою сестру. Ведь можешь же, когда захочешь, быть изобретательным, – не то уколола иронией, не то польстила дракону владычица подземного царства.

Игрэйт не стал уточнять, что действовал с подачи покойного родителя. Что это не он, а Оэдмаль Хентебесир сговорился с членами Трианского ордена, которым для каких-то своих целей потребовалось воскресить Перевоплощенных. Князю же нужна была бойня. Чтобы вер-

нуть в Адальфиву снежного духа и с его помощью в будущем уничтожить ненавистную династию про́клятых.

«Жаль, отец так несвоевременно заболел и умер», – сокрушенно думал Хентебесир, сквозь призму хмеля исподволь наблюдая за Древней. Он никак не находил в себе смелости заглянуть в темные, бездонные глаза нежданной гостьи.

Бесшумно и неторопливо Мельвезейн прохаживалась по тронному залу, разбрасывая вокруг себя клочья тумана.

– Для той, что была мертва больше тысячелетия, ты слишком хорошо осведомлена о последних событиях в мире.

– Мои слуги очень любопытны, им нравится подглядывать за смертными. В подземном мире это одно из немногих развлечений.

– Чего ты хочешь, Мельвезейн?

– Разбудить своих детей. Снова править миром. Призвать в Адальфиву парочку знакомых духов. Так только, самых преданных и близких, – принялась, загибая пальцы, перечислять богиня. – Но от тебя мне нужна сущая мелочь: регулярные жертвоприношения. Будем считать, дракон, я заняла в твоей жизни место Леуэллы.

Игрэйт затравленно оглядывался по сторонам и с горечью понимал, что скрыться от Древней не удастся и что он, на свою беду, основательно вляпался. Одно дело вступить в сговор с той, что радовалась малейшей княжеской подачке, и совсем другое – кормить чудовище, изо дня в день насыщая силой саму повелительницу тагров.

– Я… я никогда… Ищи себе другого сумасшедшего! – вжавшись в кресло, мечтая с ним слиться, а лучше, стать невидимым, выпалил Хентебесир.

– Ты всерьез собрался сыграть со мной в эту игру, дракон? – приостановилась богиня и, развернувшись, плавно поплыла к мужчине, отчего у Игрэйта на голове волосы встали дыбом. – Представь, что будет, если вся Адальфива узнает, что князь Темнодолья призвал одну из Отверженных. С ее помощью уничтожил первую ари Герхильда, покушался на вторую. За это Ледяной объявит на тебя охоту. Поймает и выпотрошит, как какую-нибудь перепелку.

– А если начну говорить я? – вжимая голову в плечи, тем не менее нашел в себе смелость вякнуть Хентебесир. – Расскажу, что ты ожила!

– Ну тогда мне придется тебя убить. Здесь и сейчас. А потом найти кого-нибудь посговорчивее. И поумнее. Ты ведь так и не получил от Леу ею обещанное.

– Не получил, – выцедил сквозь стиснутые зубы Огненный. – Скальде женился и передал ари силу.

– И в этом вся моя сестра, – меланхолично произнесла богиня. – Мелкие интриги и пакости – вот и все, на что ее хватает. Хватало. Но я, князь, предпочитаю действовать широкомасштабно и мыслить глобально. Как насчет честной победы над его великолепием в честном бою? Ну почти честном. Сразись с Герхильдом и тогда уже точно станешь императором.

Его светлость криво ухмыльнулся:

– В Адальфиве нет ни одного дракона, не то что превосходящего Скальде по силе – нет даже равного ему. Да, я мечтал о Сумеречном престоле, но я не самоубийца и не доставлю кузену удовольствия лишить меня жизни.

– Скоро в Сумеречной империи начнутся празднества по случаю коронации нового правителя, – заговорщицки улыбнулась Темная королева, не обратив внимания на опасения тальдена. – На Алом турнире сразятся лучшие драконы Адальфивы.

– Сразятся между собой, на потеху публике. Но никто, а я тем более, не осмелится бросить вызов Ледяному. Алый турнир – уже давно просто традиция. Повод попировать и помериться силами на глазах у прекрасных эсселин.

– И все же обычай существует. – Нити тьмы, вытекая из короны, вплетались в светлые волосы богини. – До коронации любой тальден может оспорить право наследника на престол.

– Может. Но, повторюсь, сумасшедших среди нас нет.

– А что там, кстати, прилагается к трону? – снова пропустила мимо ушей слова тальдена Древняя. – Ари повелителя?

Усмехнулась, заметив, как в глазах Огненного полыхнула жажда. Жажда обладания той, что его презирала.

– Ари Герхильда станет твоей, Игрэйт. Захочешь – убьешь, захочешь – превратишь в элири. Заманчиво, не правда ли? Стоит тебе одержать над Ледяным в бою победу, и весь мир признает тебя сильнейшим из сильнейших. И тогда уже никто не осмелится посягнуть на Сумеречный трон. Он будет всецело твой. Как и прекрасная супруга наследника. Только представь, как ее лучезарность будет смотреться в кандалах в подземелье. Ари Герхильда, – пропела, – твоя пленница.

– Ты и про Сольвер знаешь? – искушение поддаться сладким речам богини сильнее хмеля туманило разум.

– И про нее тоже.

– И как же я, по-твоему, смогу одолеть кузена?

– Подойди, – поманила тальдена Древняя.

Видя, что тот не торопится выполнять ее повеление, Мельвезейн сама приблизилась к Хентебесиру. Склонилась к князю, оплетая его лентами тумана, и прежде, чем тот успел отстраниться, губами прикоснулась к губам мужчины. Игрэйт дернулся, от опасной близости, от силы, ожегшей тело, забурлившей в нем, прокатившейся яростным огнем по венам. Едва не задохнулся от ощущения мощи, которая (в это сложно было поверить) каким-то непостижимым образом сумела уместиться в хрупком человеческом теле.

– Я поделюсь с тобой своей силой, дракон. С нею ты уничтожишь Скальде Герхильда. Взамен же прошу немногого – жертв, которые должен будешь мне приносить.

Князь молчал, пытаясь собраться с мыслями и ругая себя за то, что за завтраком столько выпил. Столь важное решение, как вступление в сговор с воскресшей богиней, следовало принимать на трезвую голову. Но Мельвезейн не намерена была ждать. И что он должен ей ответить? Отказаться? Но тогда Темная королева его прикончит. Сразу же. Согласиться? Заманчиво. Будет приятно наконец разделаться с кузеном, еще приятней – наказать его ари. Ну а с Древней можно и потом разобраться. А лучше – переложить миссию по спасению мира на других тальденов.

Его светлость мечтательно прикрыл глаза. С каким же наслаждением он разорвет Скальде глотку, а потом, распаляемый сопротивлением и отчаяньем его ари, силой возьмет непокорную. Фьярре придется смотреть, как умирает любимый муж. Она будет кричать от боли, захлебываться слезами и молить о пощаде, пока он, победитель, будет наслаждаться ее нежным, таким желанным телом.

– Согласен! – сорвалось с губ, возможно, опрометчивое, но произнесенное с твердой уверенностью. – Будут тебе жертвы!

– Ну вот и отлично. А сейчас, – оглянулась, обнажая в улыбке острые клыки богиня, – не помешало бы подкрепиться. Подойди-ка сюда, малышка.

Огненный проследил за взглядом Древней и увидел жавшуюся у стены служанку, о которой уже успел позабыть. Девушка не шевелилась, парализованная страхом. Глотала слезы и всхлипывала чуть слышно.

– Игрэйт Хентебесир, ты отдаешь мне эту милую девочку?

– Отдаю, – спустя секунду или две нехотя проговорил его светлость и отвернулся, чтобы не видеть того, что должно было за этим последовать.

Глава 6

Тонуть и таять в глазах дракона и от драконьего внимания – совершенно нормально. А еще неизбежно и правильно. Это как дышать воздухом, без которого долго не проживешь. Вот так и я без своего Герхильда весь прошлый месяц находилась между жизнью и смертью. Ладно, перегибаю палку. Но без него мне действительно пришлось несладко. А теперь я чувствовала, что наконец оживаю.

Снова могу дышать полной грудью.

– Привет. Ты как?

Наверное, прозвучало глупо. Но лучше уж говорить глупости, чем продолжать хранить молчание, которое ощущалось преградой, что встала между мною и Скальде.

Ущипнула себя легонько. Так, на всякий случай. Вдруг это сон. Один из тех, что снились мне почти каждую ночь и по закону подлости прерывались на самом волнующем моменте. Когда, оказавшись рядом, Герхильд хватал меня в охапку. Не то чтобы придушить, не то желая истерзать мои губы долгожданными поцелуями.

Всякий раз я надеялась, что случится второе – пусть себе терзает на здоровье, но понимала, что ожидать следует первого. Знала, что будет непросто. Но главное, я вернулась! И сделаю все возможное, чтобы растопить ледышку в груди тальдена.

Уж мне-то не привыкать превращать Ледяного в Огненного.

И снова невпопад:

– Симпатичненько тут у вас.

Рассеянно оглядела комнату, в которой мы стояли, как борцы на ринге перед началом схватки, и обстановка которой меня совершенно не интересовала.

А тот, кто интересовал, кто последние недели занимал мои мысли и, кажется, уже целую вечность владел моим сердцем, не спешил меняться в лице. Оно, как и прежде, было совершенно невозмутимым и, в принципе, совершенным.

Кто-то скажет, что черты лица Ледяного слишком резкие. Мне же они казались идеальными. И высокий лоб, затемненный выбившейся из хвоста прядью, и четкая линия губ. Волевой подбородок без намека на щетину. Широкие, такие выразительные скулы. Но особого внимания заслуживали его глаза. Порой почти прозрачные, безмятежно серые, а иногда вбиравшие в себя весь сумрак пасмурного дня.

Сейчас же они как будто заледенели. Скальде смотрел на меня, не отрывая взгляда, абсолютно ничего не выражающего, и обдавал одному ему присущим холодом.

Но после всего, через что прошла, подморозить меня будет непросто.

– Скальде… – первой сделала шаг навстречу, раз уж его прохладность не спешил выпадать из амплуа истукана.

Не успела я так подумать, как Герхильд шевельнулся. Вернее, взял и решительно от меня отвернулся, а потом молча вышел из комнаты.

Ну, клево.

Я ожидала какого угодно приема, но только не такого. Это что еще за полное игнорирование? Я ведь не невидимка.

Огорошенная поведением Ледяного, абсолютно сбитая с толку, осталась стоять на месте. Растерянно мазнула по ковру туфелькой, приглаживая вытканные на нем узоры. Ощупала тело, проверяя на возможные изменения. Ну вот, опять, кажется, похудела. Два месяца объеданий насмарку, придется заново объемы наращивать. Волосы как будто стали гуще и длиннее, золотистой пелериной окутывали плечи.

Я уже успела отвыкнуть от юной версии себя, как и от средневековых антуражей. Просторная комната утопала в полумраке. Витражи в окнах приглушали солнечный свет, добавляя помещению, как незавершенной картине, разноцветных штрихов.

Если судить по обстановке, это был будуар или дамская гостиная. Роскошная такая, достойная императрицы. Затканные гобеленами стены, мраморные камины, мебель из темного с перламутровыми вставками дерева.

Впрочем, не о вставках сейчас нужно думать.

– Эй, Герхильд! – позвала громко, начиная распаляться от драконьего игнора. Далеко его непонятность не ушел, я слышала шаги в соседней комнате и ломала голову, чего он там ходит. Может, при виде меня испытал острое желание стать вдовцом, вот и убрался от греха подальше? Успокаиваться.

Возвращение тальдена прервало ход моих тревожных мыслей. По-прежнему не произнося ни слова, дракон пересек комнату, заставляя одновременно и желать, чтобы оказался рядом, и испуганно от него пятиться. В руках Ледяного темнела шкатулка, на которую я поглядывала не без опаски. Благо в маленьком ларце обнаружились не кинжал и не яд, а всего лишь колечко с мутным камнем. Завладев моею рукою, Скальде надел украшение на безымянный палец.

Наверное, от того, что был так близко и держал меня за руку, я почувствовала легкое головокружение. Или из-за действия колечка, ярко засиявшего, а спустя мгновение камень в серебряной оправе снова стал тусклой стекляшкой.

– Фьярра рассказала про заклятие, которое использовала морканта, чтобы ты овладела нашим языком, а она твоим. Позже Хордис наложит его на тебя. А пока носи это, – мимолетное прикосновение сильных пальцев досталось незатейливому украшению. – Иначе мы не сможем понимать друг друга.

Жаль, не существовало бижутерии, способной вернуть супругам понимание иного рода и уничтожить между ними пропасть. Она появилась из-за моей лжи и его неприятия обмана. Я поняла это по тому, как Скальде поспешно отстранился, будто от какой-то чужачки. Отошел в сторону, лишь бы оказаться подальше от презренной обманщицы, которой наверняка меня считал.

– Извини, что оторвал тебя от мужа, – прозвучало безэмоционально и глухо.

Что ж, дерзай, Королева. Ты ведь к этому и готовилась.

– Оторвал от развода с ним, если быть точной, – заметила, призывая на помощь всю свою выдержку.

Я и правда была готова к скандалу. К выяснению отношений. Была готова к упрекам, возможно даже, угрозам. Но не к ледяному спокойствию, с которым он на меня смотрел. Не к безразличию в голосе. Только от одного этого голоса в иные моменты я готова была гореть.

Сейчас же он охлаждал не хуже кондиционера в жаркий день. Или морозильной камеры, в которую не понятно с какого перепугу я решила залезть.

– Можешь быть спокойна, Аня. Следующие девять месяцев ты ни в чем не будешь нуждаться. Для всех ты по-прежнему будущая императрица. С тобой будут обращаться, как с ари правителя.

– Постой-ка… – зацепилась за царапнувшую слух фразу. Впрочем, каждое его слово, произнесенное с ледяной отрешенностью, царапало, ранило, протыкало, как самым острым кинжалом. – Почему именно девять?

– Может, дольше, – безразлично пожал плечами Герхильд.

Наверное, я просто успела забыть, каким он порой бывает подмороженным.

– Но чем раньше начнем, тем раньше все это закончится. И для тебя, и для меня тоже.

Ан нет, отмороженным. Отмороженным отморозком – вот это про тальдена.

– Начнется и закончится что? – переспросила, хоть уже успела понять, к чему этот дракон драконский клонит.

– Осматривавшие тебя… Фьярру, лекари сказали, что тело готово.

Вот только я, в отличие от тела, была совершенно не готова. К такому приему.

– А? – это от крайней степени обалдения.

А кто бы на моем месте не обалдел от заявлений про тело и девять месяцев.

– Пойдем, Фьярра.

Опомниться не успела, как Герхильд оказался рядом. Сцапал за руку и как котомку с чем-то очень для него важным – чертовой ледяной магией, потащил за собой.

– Ну то есть Аня, – поправился, правда, с опозданием, и крепче сжал мою ладонь.

– Во-первых, мне больно. Во-вторых, куда ты меня тащишь? – попыталась остановиться и вырваться из стального захвата.

Размечталась. Меня бесцеремонно дернули за руку, и хрупкое тело Фьярры невесомой пушинкой заскользило за магом.

– Скальде!

– Не хочешь в спальне? Можем и здесь. – Обернувшись, усмехнулся жестко: – Мне в общем-то без разницы, где ты зачнешь ребенка. Которому передашь мою силу и навсегда уберешься из моей жизни.

А вот теперь мне очень хотелось проснуться.

От откровений тальдена и от не менее откровенной издевки, сквозящей в его голосе, я окончательно впала в прострацию. Выпала из нее, только когда оказалась в спальне. А в следующую секунду выпала и из драконьих объятий, когда меня подобно пластиковому воланчику, подаваемому бездушной ракеткой, отправили в полет аж до самой кровати. То есть попросту грубо на нее зашвырнули. Тревожно качнулся балдахин, ниспадавший складками аж до самого пола. Алый, в золотой цветочек. И я уже тоже была алой, правда, без цветочков – на щеках полыхал жгучий румянец. Обиды и гнева с примесью опасения.

Неужели и правда возьмет силой?

– Только попробуй, – прошипела, заметив, как тальден, недобро щурясь, с самым решительным видом потянулся к шнуровке на брюках.

Встреть он меня не как самая последняя сволочь, а как соскучившийся по жене муж, и я бы порадовалась стриптизу в исполнении его льдистости. А так только еще больше разозлилась. Почувствовала, как покрываюсь мурашками. От страха. От холода, что источал Скальде. От стужи, что царила в моей душе.

В ответ на мое шипение Герхильд криво ухмыльнулся и продолжил, не заморачиваясь снятием камзола, ослаблять тесемки на бедрах. Видимо решил, что полностью обнажаться не обязательно. Зачем тратить время, когда можно просто приспустить штаны и оприходовать свою ари.

Ах ты ж, чудовище сталеглазое.

– Повторяю, даже не думай, – добавила в голос угрозы.

Но он, предатель, так не вовремя дрогнул и взлетел на октаву выше, отчего запланированное рычание прозвучало комариным писком.

– Поверь, Аня, если бы был другой способ забрать то, что ты у меня украла, я бы им воспользовался. Мне это тоже неприятно.

Ах тебе еще и неприятно? Через силу, бедненький, себя заставляешь.

Да чтоб у тебя начался продолжительный период нестояния!

– Это я у тебя украла? Да я спасла вас, ваша бессовестность и ваше гадство!

– Я не просил тебя о спасении! – а вот у дракона с рычанием был полный порядок. – Достаточно было просто быть со мной откровенной!

Нет бы поинтересоваться, почему обманывала. А он сразу за штаны хватается.

Раскаленные иглы вонзились в виски. Перед глазами потемнело, а когда картинке окружающего мира добавили четкость, я поняла, что в порыве злости лишилась туфли. Жаль, увернулась драконья морда, и туфелька поцеловалась с разгуливающей по райскому саду девой, вытканной на гобелене.

– А ты спросил, почему не была с тобой откровенной? Или после всего, что между нами было, на что я ради тебя решилась, я не достойна даже одного короткого разговора? Ваша сволочность! – припечатала раздраженно.

Раз уж дала волю чувствам, не буду себе ни в чем не отказывать.

– Разговаривать? – переспросил вкрадчиво, заставляя ежиться от обманчиво мягких ноток в по-прежнему ледяном голосе. – О чем? – Сталь в глазах дракона сменилась черным омутом, смертельно опасным и бездонным. – О твоей лжи? Или о двойнике Крейна? А может, о самом Крейне, за которым по пятам ходила. Потому что он так похож на твоего мужа! До последнего провоцировала, пока не попытался с тобой порезвиться.

Не было такого!

Ну ладно, кое-что было. Я действительно поначалу искала встреч с герцогом, потому что видела в нем отражение Лешки, которого тогда еще любила. Цеплялась за этот образ, как за нить, что связывала Адальфиву с моим миром. По которому скучала безумно. В который стремилась вернуться.

– Скальде, я не могла тебе признаться. Хоть и не раз собиралась. Не представляешь, как этого желала! Но морканта шантажировала меня.

– У тебя было немало возможностей все рассказать. Или думала, не сумею разобраться с ведьмой? – Он все-таки стянул с себя камзол. Швырнул на пол, как парой минут назад швырнул на кровать меня, и двинулся в мою сторону, резко цедя слова: – Хватит показывать характер. Я и так слишком долго закрывал глаза на твои выходки. Больше – не буду. Если повезет, забеременеешь сразу, и нам не придется долго терпеть друг друга.

Терпеть значит…

Стащив вторую туфлю, подскочила на матрасе и, возвышаясь над драконогадом, замахнулась сафьяновой лодочкой, готовая воспользоваться ею в качестве снаряда, если Скальде осмелится еще хоть на шаг приблизиться к кровати.

Туфля его не впечатлила и градус смелости, увы, не понизила. Наоборот, кажется, еще больше распалила. Сейчас в нескольких шагах от меня стоял хищник, готовый в любой момент наброситься на свою добычу.

Мне ничего не оставалось, кроме как запустить в Герхильда единственным оружием. Снова промазала, после чего попыталась спрыгнуть на пол, чтобы необъятное ложе встало между нами пусть и легко преодолимой, но все-таки преградой. Возможно, у меня бы это даже получилось, если бы не дурацкое платье, явно игравшее за вражескую команду. Послышался треск ткани – это ящер бесхвостый вцепился в шелковый подол. Дернул яростно, опрокидывая меня обратно. Не обращая внимания на сопротивление (я даже ногой ему в грудь врезала – как будто по булыжнику пяткой проехалась), притянул к себе.

– Иди ты к черту, Герхильд! – выпалила в губы, оказавшиеся в непозволительной близости от моих.

В непозволительной, потому что фиг я ему позволю целовать меня после всего, что наговорил!

– Не раньше, чем дашь единственное, что мне от тебя нужно! – рыкнул, обжигая яростью и своим дыханием.

Впиваясь пальцами в бедра, сминая юбку, бесцеремонно ее задирая. А под ней только чулки и длинная сорочка. И хрупкое девичье тело, которым теперь владела я, а не мое трусливое отражение.

Я, не собиравшаяся так легко сдаваться и покоряться.

– Ледяной магии захотелось, значит? Ну так на тебе! Кушайте, не обляпайтесь!

Казалось, сила только того и ждала – прокатилась волной под кожей, заставив содрогнуться от своей мощи. Холодом просочилась сквозь ладони, вжатые в грудь нависшего надо мной дракона. А вырвавшись на волю, прямо в солнечное сплетение ударила этого ребенкоделателя. В отличие от земной версии Герхильда, Герхильд адальфивский к стене не припечатался. Но и его отбросило на несколько шагов назад.

Тальден покачнулся, пытаясь устоять на ногах. Поморщился, не то от боли, не то от досады, что все еще не успел надругаться над своей ари. Недоуменный взгляд скользнул по распахнутой на груди сорочке, подернувшейся блестяще-хрустящей коркой.

Жалея, что так и не удалось приложить его бесстыжесть обо что-то твердое, повторила атаку. Магия хлынула от меня к прóклятому, облекая в лед все, к чему прикасалась. Растеклась по парчовому покрывалу, затянула резные колонны и тяжелый, присобранный бархат полога, расползлась по полу, стремительно подбираясь к ногам Ледяного. Почти цапнула за мыски сапог, и Скальде, все больше округляя глаза, ошарашенно попятился.

Судя по выражению его лица, финта с демонстрацией родовой силы он никак не ожидал. Видать, эксплуатация драконьего наследия была не предусмотрена магическими законами Адальфивы.

– Все еще жаждем интима?

Следующий ледяной залп проверил на прочность драконий пресс. Вообще-то я метила ниже, но вышло то, что вышло. Тальден зарычал от боли зверем, не раненым – раздразненным, и как-то до обидного быстро справился с неприятными ощущениями. И меня тоже с легкостью, не прилагая усилий, одолел. Небрежным движением руки заставил лед вокруг осыпаться крошевом и со своим фирменным выражением, железобетонным, впаял мои запястья в императорскую койку.

«Украденную» силу как будто тоже сковали невидимыми наручниками. Внутри что-то начало сбоить – магия больше не слушалась, не желая воплощать в жизнь самую заветную мою мечту: обрушить на Герхильда айсберг, вроде того, из-за которого потерпел крушение «Титаник». Но можно и побольше.

– Так тебе будет проще успокоиться, – ледяные осколки крошились не только под подошвами сапог дракона, но и в его голосе.

– А может, так тебе будет проще сделать себе ребенка?

Дернулась, отчаянно, исступленно. Без толку. Только и оставалось, что обороняться ногами. Правда, Герхильду ничего не стоит разложить меня на кровати, как я вчера разложила по стенке Александра, приморозить лодыжки к матрасу и…

Мое сознание категорически отказывалось генерировать мысли о том, что должно было последовать после злополучного «и».

– По крайней мере, теперь я точно знаю, что сила прицепилась к твоей душе. Не хочешь рассказать, как так вышло?

– То есть теперь мы от дела готовы перейти к диалогу?

– Аня…

Взгляд тальдена вжимал в постель не хуже наследства предков. Хочешь почувствовать себя насекомым, прибитым к стеклу мухобойкой, – пообщайся с его величеством драконом.

– Откуда мне знать? Спрашивай у своих умников-старейшин. Или кто тут у вас разбирается в тальденово-алианских связях.

– Даже если бы хотел поверить – не поверил. Рассказывай! – в голосе будущего императора уже отчетливо звучали громовые раскаты стремительно приближающегося ненастья.

– А Фьярре? Ей-то небось поверил. Каждому лживому словечку. Что она тебе такого наговорила, что ты готов меня возненавидеть?

Хотя какое там готов. Уже ненавидит.

– Мне плевать на Фьярру! – Склонившись, больно сжал мое лицо жесткими, обжигающе горячими пальцами, заставляя смотреть глаза в глаза. Его были темными, как самая непроглядная ночь, озаряемая вспышками дьявольского огня. – *Ты* мне врала! Врала, как сейчас, невинно глядя в глаза. Прикидываясь той, кем на самом деле не являлась. Не день, не два. Все то время, что была рядом! Сколько раз мы оставались наедине? Скажи, Аня! Одни и с нами не было морканты, которой ты якобы боялась. Уже давно могла сделать так, чтобы все закончилось. Попросить разобраться с Блодейной, попросить вернуть тебя обратно. Но ты молчала! Зная, что драконы не выносят обмана. Зная, что *я* не прощу тебе лжи!

– Повторяю, – мотнула головой, пытаясь избавиться от жалящего прикосновения, а заодно и от ощущения, что оказалась в клетке, – Блодейна мне угрожала.

– Твоей жизни?

– Нет.

– Тогда кому же?

Пауза. И ведь не соврешь теперь уже.

– Она грозилась убить или покалечить Воронцова. Му… ж который.

Надо же! Такое коротенькое слово, а произнести сложно.

– Мужчины, с которым… сколько ты жила? – очередная вспышка демонического огня.

– Несколько… лет, – выронила чуть слышно.

– Делила постель…

Он разжал пальцы. Отстранился, скривился, как еще руку кружевным платочком не вытер. Бесится, что в жены досталась не стопроцентная алиана, не первого сорта и не наивысшего качества, то есть не с невинной душой.

– Но я же не знала, что в будущем повстречаю одного подмороженного мерзавца и захочу разделить эту самую постель с ним! Впрочем, сейчас уже совершенно не хочется, – буркнула, стараясь смотреть куда угодно, но только не на Ледяного. – Да, в моей жизни был другой мужчина. С этим уже ничего не поделаешь.

– Которого ты безумно любила. Фьярра наблюдала за вами. Не один год. Мечтала о таких же идеальных отношениях, какие были у вас. По ее словам, вы жили как в сказке. А теперь я должен поверить, что ты так легко о нем забыла? О своей сказке. Вычеркнула из памяти все, что между вами было.

И сдалось ему это «между нами». А Фьярра (коза драная-передраная) и здесь умудрилась подгадить. Мало того что, оказывается, шпионила за мной неизвестно сколько, так еще и снова подставила подножку! Что она ему там понарассказывала, лишь бы отвести от себя угрозу? Даже предположить страшно.

– Скальде, я не могу изменить прошлого. Но неужели это так важно? Что до тебя в моей жизни был кто-то другой. Если сейчас в ней есть место только для тебя одного.

Горькая усмешка и слова, протыкающие мое сердце, как зубочистки несчастную тарталетку:

– Для меня было важно знать, кто находится со мною рядом. Кого я сделал своей ари. Но тебя я не знаю, Аня. Ты для меня чужая. Я взял в жены лгунью и самозванку, явившуюся в Ледяной Лог только за тем, чтобы потом вернуться в другой мир, к другому мужчине, с которым связала себя нерушимыми узами.

Как будто с глухим разговариваю. А еще со слепым. Жалко только, что не с немым.

Все, сдаюсь, не могу больше.

– Черт с тобой! Делай уже своего ребенка и проваливай на все четыре стороны. Чтобы я больше тебя не видела и не слышала. Чертов ты ледяной дракон!

Замерла, чувствуя на себе взгляд, пронизывающий зимней стужей. Не в силах больше пошевелиться и опасаясь того, что должно было сейчас случиться. Много я насопротивляюсь, пришпиленная льдом к кровати, словно насекомое к картонке булавкой.

Зажмурилась, когда глаза затянуло мутной пеленой, и почувствовала, как чары осыпаются с рук ледяной крошкой. Вздрогнула от громкого удара – это захлопнулись дверные створки. Быстрые шаги, постепенно стихающие в другой комнате, пока их окончательно не поглотила тишина.

Обессиленная, я сжалась в комок. На кровати, укрытой крупинками льда. Приходилось признать, магическо-психологическую установку драконов: «ложь – предательство, которое не прощают, не забывают и уж тем более после обмана больше никогда не доверяют» изжить из сознания Ледяного будет непросто.

Но когда в моей жизни было хоть что-нибудь просто?

Глава 7

Не заметила, как задремала. Проснулась от чьего-то приглушенного рычания. Неужели Герхильд снова нарисовался? Приподнявшись на локтях, осоловело оглядела комнату, подсвеченную соскальзывающим с небосклона и тающим в дымке сумерек солнцем. Покои ари были просторнее невестиных апартаментов и обставлены с большей помпезностью. Если сдвинуть к стенам мебель, можно будет замутить средневековую дискотеку для всех замковых бездельников.

Рык повторился. Короткий, глухой и все такой же грозный. От него все внутри похолодело, а на висках выступили капельки пота.

Сон как рукой сняло. Напряженный взгляд метнулся по пестротканым коврам и замер на постланных у каминов шкурах. Одна такая шкура, целое шкурище, бесшумно приподнявшись, теперь подкрадывалось к кровати.

Скалясь.

– Снежок?

Я чуть не уронила на пол челюсть. И сердце, едва не выскочив из груди, туда же не уронилось. Когда кьерд, одним прыжком преодолев разделявшее нас расстояние, тяжело приземлился на лапы. В опасной близости от меня, судорожно прижимавшей к груди скомканное в кулаках покрывало – сомнительную защиту от этого плотоядного.

– Р-р-р… – устрашающе выдал котяра.

– Мамочки, – жалобно пропищала я, когда снежный зверюга хищно оскалился, демонстрируя острые, блестящие от слюны клыки, и приник к кровати, будто готовился наброситься и растерзать блудную хозяйку.

Когда выходила замуж, всего каких-то несколько недель назад, мой питомец весом и объемами походил на крепенького бульдога. А теперь вымахал до размеров взрослого ротвейлера. Ну или молодого тигра. Клыкастого и явно чем-то недовольного.

Неужели тоже обиделся? За то, что исчезла из этого мира, оставив его с фальшивой хозяйкой.

Ох уж эти мужчины. С виду большие, а ведут себя как дети малые. Только и знают что рыкать, причем оба. Первому вот прям сейчас подавай ребенка. Второй, по всей видимости, решил со мной не церемониться и просто слопать. Мол, нечего было своего воспитанника на произвол судьбы бросать.

– Снежок, миленький, не ешь меня. Это настоящая я. Честное слово, настоящая.

Зажмурилась и почувствовала, как в щеку мне ткнулся прохладный нос или, скорее, носяра. Шумно дыша, кьерд скрупулезно меня обнюхивал. Втянув когти, трогал лапой. А когда закончил с проверкой на натуральность, повалил навзничь, погребя под собой, и начал… к счастью, не обедать, а, гортанно урча, вылизывать мне лицо.

– Хороший мой, я тоже по тебе скучала, – рассмеялась, зарываясь пальцами в снежную шерсть своего красавца. Крупинки снега прохладой касались кожи и капельками талой воды стекали по запястьям.

Вот такой, повизгивающей от счастья, в крепких котячьих объятиях, меня и застали служанки. Ни я, ни кьерд поначалу не обратили на них внимания. Снежок с упоением шершавым языком продолжал скрабировать мне лицо, а девушки тем временем мялись на пороге и неловко покашливали, наблюдая за сладкой парочкой: мокрой мной и моим любимым котом, вот так легко сменившим гнев на милость.

Герхильду не помешало бы у него поучиться.

– Ваша лучезарность, – выступила вперед девушка в остроконечном чепце и сером полотняном платье, – мы можем войти?

– Снежок, милый, дай передохнуть. Потом доиграем. – Я выбралась из-под кьерда попытки эдак с пятой и сделала пометку в памяти: вплотную заняться его воспитанием.

Сразу после того как перевоспитаю Скальде.

– Проходите.

Выпрямилась, стараясь придать себе величавый вид, а своей подмоченной моське выражение благородной невозмутимости. Покерфейс, как у его отмороженности.

Снежок пушистой табуреткой растянулся у меня под ногами, поджав передние лапы. Пройдя в спальню, девушки слаженно присели в реверансах, после чего все та же чернобровка сказала:

– Его великолепие просил вас не тревожить, поэтому я не стала приносить обед. Ваша лучезарность, изволите отужинать сейчас или как обычно?

– Как обычно, – отозвалась, всматриваясь в незнакомые лица.

Есть не хотелось. То ли из-за незабываемого приема благоверного, испортившего мне не только настроение, но и аппетит. То ли тело еще не поняло, что сменило анорексичную хозяйку на ту, которая кушать умела и любила.

Очередное приседание и взгляд, устремленный на резную спинку кровати.

– Тогда с вашего позволения мы подготовим вас к грядущей ночи.

Краснели они тоже сообща. И одинаково бездарно, опуская головы, пытались спрятать смущенные улыбки.

– И что же случится грядущей ночью?

– Ну как же, – подала голос вторая камеристка, становясь похожей пунцовыми щеками на матрешку. – Сегодня ведь последний день вашего уединения. Правитель сказал, что придет к вам.

А я помогу ему от меня выйти сразу же после того, как войдет.

– В купальне уже все готово, ваша лучезарность, – негромко произнесла самая младшая на вид, с веснушками и задорными кудряшками, пламенными завитками выбивавшимися из-под широкой оборки чепца.

– Ваша лучезарность, – робко проронила первая девушка, видя, что я не спешу бежать в купальню, чтобы потом во всей красе предстать пред грозными очами императора, – это приказ его великолепия.

Подозреваю, что настроение у драконовельможества сейчас будет похуже моего. То есть прескверное. Не хотелось бы, чтобы из-за наших баталий пострадали служанки. Они-то не виноваты, что Ледяной такой ревнивец и собственник. Да и после проявленной кьердом радости не помешало бы как минимум умыться. Лучше – понежиться в горячей, ароматной воде. Вдруг удастся расслабиться, вернуть себе хорошее расположение духа и его же твердость.

Снежок за нами в купальню не последовал. Порывался, конечно, не желая расставаться с хозяйкой даже на самое короткое мгновенье. Наверное, боялся, что опять пропаду. Однако мои помощницы, не церемонясь, захлопнули перед мохнатой мордой двери. И пока я кайфовала в бассейне, кьерд не переставал полосовать те когтями.

Жаль, все хорошее рано или поздно заканчивается. В моем случае удовольствие прервалось до обидного рано, сменившись болезненной процедурой депиляции. Вот что за непруха такая! Как становиться императрицей – так Фьярра. А как лишаться на теле растительности – так мучайся Аня.

А самое обидное, что тело-то казенное.

Впрочем, раз уж приняла решение, которое далось нелегко и не сразу – остаться в этом мире и прожить эту жизнь, пора начинать считать эту оболочку своей, а не временным пристанищем, как раньше. Ради собственной красоты можно и потерпеть. Депиляцию.

Но уж никак не ночь с его гадством.

Вот когда одумается, поймет, что ему нужна я, а не ребенок с драконьими задатками, тогда будут ему и горячие ночи, и жаркий отход ко сну, и пылкие пробуждения. А пока пусть закаляется под холодным душем моего безразличия.

Оставалось только придумать, как вечером отвадить тальдена и выиграть для себя немного времени.

Пока служанки завивали мне волосы и наряжали в платье вызывающего цвета – насыщенно-амарантового, с глубоким вырезом и традиционными рукавами-подметалками, я ломала голову над тем, как поломать планы Герхильда. Ну и кайф ему обломать – это вообще благое дело.

В общем, не получит он в ближайшее время доступа к телу!

Жаль, наряд для бунта не самый подходящий. Фривольное декольте, подчеркнутое массивным колье из турмалина, привлекало ненужное внимание. Камни в ложбинке грудей так и сверкали. Переливались, то вспыхивая ядовитой зеленью, то разгораясь малиновым пламенем.

Главное, чтобы из-за них никто другой не вспыхнул и не загорелся, как соприкоснувшаяся с искрой щепка.

От размышлений о постельном мероприятии и возможных вариантах его саботажа меня отвлек эррол Хордис. Испросив у Элиль, самой младшей и самой улыбчивой из служанок, разрешения переговорить с ее лучезарностью, лекарь остался дожидаться меня в будуаре, знакомство с которым ознаменовалось первой семейной баталией.

Прикрыв провокационный вырез шалью, я сунула ноги в удобные туфельки на плоской подошве и пошла к придворному магу. Молчаливому трио велела принести нам чего-нибудь горячего и горячительного. Усиленная мозговая деятельность не дала никаких результатов, кроме единственного: я страшно проголодалась. Да и поднять градус настроения алкогольными градусами тоже не помешает.

Заложив руки за спину, Хордис с задумчивым видом расхаживал по комнате. В своем неизменном сером балахоне, мешковатом, я бы даже сказала – безразмерном, под которым пряталась долговязая, нескладная фигура лекаря.

Заслышав шаги, маг обернулся.

– Ваша лучезарность, – поклонился на удивление почтительно, сдобрив приветствие улыбкой, теплой и совершенно искренней, – счастлив снова с вами свидеться.

– Что, даже ни разу не упрекнете и не обличите во лжи? – охотно улыбнулась в ответ, искренне радуясь встрече с душкой-целителем.

Который вдруг ни с того ни с сего погрустнел. Вздохнул, понуро опуская плечи, и с печалью в голосе произнес:

– Если кого и следует упрекать, так только меня. Простите, Аня… Анна? Как мне следует к вам обращаться?

– Как вам больше нравится.

Совсем не по-царски я забралась с ногами в кресло. И лекаря пригласила устраиваться поближе к камину. Интересно, весна уже наступила? Или на улицах Хрустального города по-прежнему стоит холодрыга.

Усевшись в соседнее кресло, эррол Хордис тихо продолжил:

– Простите, Аня, что убеждал его великолепие забыть о вас и выбрать в жены эсселин Талврин. Я совершил ужаснейшую ошибку! Непростительную! Теперь понимаю, что против наследника замышлялся заговор, а я стал пешкой в руках заговорщиков. Не прояви вы тогда самоотверженность, и все могло бы закончиться очень трагически. И для его великолепия, и для княжны.

– Почему решили, что вас использовали?

Протянула к огню руки. Золотистые блики немного оживили и подсветили тонкие, почти прозрачные Фьяррины кисти.

– Тот манускрипт, в котором я отыскал ритуал, якобы способный снять с Герхильдов проклятие, был уничтожен. Рассыпался пеплом прямо у меня на глазах. Как будто был иллюзией. Это случилось на утро после свадьбы. Когда вы… исчезли, а ваше место заняла настоящая эсселин Сольвер.

– Знаете… – Я закусила губу. Скверная привычка, от которой никак не могла избавиться и которой моя хитромудрая копия явно не страдала: при Фьярре губы были в полном порядке. – Мне кажется, я знаю, кто вам подбросил ту писульку.

Поудобнее устроившись в кресле, под надзором Снежка, улегшегося между мною и магом, я рассказала о кошмаре, что пережила на утро после свадьбы. Обо всем, о чем не удосужился спросить Герхильд. О нападении Древней и своевременном вмешательстве Блодейны, до последнего защищавшей тело своей воспитанницы, и тем самым спасшей мне жизнь.

– Убрав меня, Леуэлла надеялась уничтожить тальдена. Думала, смерть ари его сломает, он будет раздавлен. А если даже справится с болью утраты, в любом случае не сможет дать империи наследника, и какой-нибудь предприимчивый дракон, тот же Хентебесир, потребует для себя Сумеречный трон. Мне кажется, снежная гадина опасалась Скальде. Он мешал ей или тому, перед кем она пыталась выслужиться.

– Духи если кому и служат, так только самим себе, – негромко усмехнулся целитель и замер, весь обратившись в слух, готовый ловить, запоминать, анализировать каждую мою фразу. – Снежная дева еще что-нибудь говорила?

– Что какой-то гад ей меня заказал. Кто – не знаю. – Зажмурилась, воскрешая в памяти события ужасного утра, которые с таким трудом удалось в себе похоронить. – Имени не называла. Если честно, все, что тогда случилось, как будто под завесой тумана. Я была так напугана, что почти ее не слушала. Вернее, слушала, а думала только об одном: сколько еще проживу.

– Вы храбрая девушка, Аня, и мне очень жаль, что вам пришлось это пережить, – сочувственно проговорил Хордис.

Наклонившись, провел рукой по лоснящейся холке кьерда. Снежок довольно жмурился, урчал негромко, всем своим видом показывая, что все у него распрекрасно. Теперь, когда душа, к которой был привязан с рождения, находится рядом, и никакое левое сознание больше не зовется его хозяйкой.

Выудив из глубин памяти очередной обрывок разговора, кусочек пазла, на которые раскололись воспоминания, я добавила:

– Леуэлла вскользь упомянула об эсселин Мавене.

– И что же она сказала?

Придворный врачеватель вскинул голову и посмотрел на меня с плохо сдерживаемым нетерпением.

– Что усыпила Скальде в ночь после свадьбы, а потом что-то сделала с алианой.

Мужчина откинулся в кресле, отрешенно глядя на угольки, то ярко вспыхивавшие, словно в ночи светлячки, то почти угасавшие на дне камина.

– Если так, тогда это все объясняет.

– Объясняет что?

– Когда началась оттепель, статуя ее лучезарности растаяла. Претемная Праматерь, пусть это будет правдой! – взволнованно пробормотал Хордис. – Скальде ведь до сих пор себя простить не может.

Наш разговор прервало появление служанок. Девушки вошли одна за другой, держа в руках подносы, источавшие головокружительные ароматы. На мое предложение поужинать вместе Хордис ответил рассеянным кивком. Скорее всего, даже не услышал, что попросила его задержаться. А когда вышколенная прислуга, расшаркавшись в реверансах, ушла, я щедро плеснула в кубки вина, справедливо решив, что лекарю тоже не помешает расслабиться. А еще хорошо бы ему выйти из транса, в который вогнала его откровениями о прошлой лучезарности.

– Леуэлла умерла, кстати. Вместе с Блодейной. Морканта пожертвовала собой, чтобы у Фьярры было будущее.

– Ее бы так или иначе ждала смерть. – Целитель глотнул вина и промокнул губы своим длиннющим рукавом. Правда, несколько рубиновых капель так и остались на серой, будто выцветшей, бородке мага, клином смыкавшейся над выпирающим кадыком. – После того, что натворила. На что толкнула вас, Аня.

– Жаль, Скальде считает иначе. Винит в первую очередь меня и только потом морканту.

– Ну а что вы хотели? – усмехнулся мужчина. – От Ледяного, за всю жизнь не испытавшего даже толики эмоций, что за короткое время испытал с вами и из-за вас. Для Скальде это в новинку, и он просто не знает, как на все случившееся реагировать.

– Единственное, что он испытывает, – это желание обрюхатить меня в кратчайшие сроки, – заметила горько и с горя же, насадив на вилку запеченное с травами мясо, отправила в рот большой кусок.

Ммм, вкуснятина.

– Он пожертвовал годами жизни, чтобы вернуть вас. Разве это не доказательство его чувств?

– Поправочка: вернуть силушку свою драконско-богатырскую. А я – всего лишь досадное и очень неудобное приложение к родовой магии.

Сделав глоток побольше, эррол Хордис протянул к камину ноги.

– Что ни говори, а обман был. Скальде чувствует себя преданным, как чувствовал бы любой дракон на его месте. Дайте ему время, а сами наберитесь терпения.

– Вот только он мне времени не дает. Сказал, что… придет сегодня. Ну вы поняли зачем. «Осчастливил» этой новостью через служанок!

– Со Скальде порой действительно бывает непросто, – наконец-то согласился со мной Хордис. – Еще и старейшины (они ведь тоже в курсе) подливают масла в огонь, подзуживают.

Склочник Тригад узнал, что я самозванка… Вот это катастрофа вселенского масштаба.

Пока я вспоминала незлым тихим словом вредного старикашку и его банду, мой собеседник в ажиотаже подскочил на ноги.

– А знаете что! Я вам кое-что посоветовал бы выпить. Одно снадобье. Ничего такого. Передам его с Ханной, моей помощницей, ладно?

Я не спешила соглашаться, решила сначала разобраться, какую на сей раз жидкость, приготовленную в антисанитарных условиях, собрался влить в меня добрый доктор Айболит.

– И что же вы собрались во мне лечить этим «ничем таким»?

– То, что даст вам немного времени. Вдруг и его великолепие за эти дни успокоится.

Хордис не стал утруждаться более подробными объяснениями. Опустошив кубок ользанского, к которому питал особую слабость, и так и не притронувшись к мясным деликатесам, по-быстрому наложил на меня обнаруженное среди вещей Блодейны заклинание, после чего попросил снять колечко.

Удостоверившись, что я понимаю адальфивский и сама на нем неплохо изъясняюсь, помчался в лабораторию за загадочным снадобьем. Не успела закончить с ужином (хоть Снежок великодушно предлагал, настаивал даже, оказать посильную помощь в его уничтожении), как прибежала Ханна и вручила мне простой, прозрачного стекла пузырек. Жидкость в нем тоже была прозрачной и горчила травами. Закусив, надеюсь, что не отраву, сочной виноградиной, я стала морально готовиться к приходу господина Тирана.

Пока готовилась, разболелся живот. До слез в глазах и прорывающихся сквозь зубы стонов. Еле добрела до кровати и повалилась на нее, прижав подушку к эпицентру наинеприятнейших ощущений. Войди сейчас Герхильд в спальню, и я бы не то что не сопротивлялась – не пикнула бы.

Так и лежала, корчась от боли, не в силах даже позвать на помощь. Снежок, предатель, оставался спокойным и никак не реагировал на мои стоны. Неужели обиделся, что не поделилась с ним ужином?

К счастью, вскоре боль сошла на нет, а на смену ей пришли дни, во время которых женщина в Адальфиве считается неприкосновенной и думать о наследниках бесполезно.

Глава 8

Следующий день начался под девизом «Труба зовет!». Точнее, звал монарший долг, и наступали суровые императорские будни. Должно быть, Фьярра родилась под счастливой звездой: отсиделась в Ледяном Логе – типа смоталась на родину в отпуск, и благополучно отбыла в мир иной, под крылышко по уши влюбленного в нее Леши. Меня же ждала куча обязанностей. А вот про права никто даже не заикался.

С утра пораньше, не успела даже толком позавтракать, заявился первый страждущий. Некий эррол Фитивен, отряженный ко мне моим дражайшим ледяным супругом для приватной беседы. А как выяснилось чуть погодя – для банального допроса.

Явился в самый неподходящий момент! Когда я, усиленно работая челюстями, дабы в кратчайшие сроки добавить себе массы, знакомилась с событиями, произошедшими без меня в замке. Другими словами, слушала последние сплетни.

Леан был не в курсе, что месяц назад моя душа покинула хрупкое пристанище – тело алианы и в нем воцарилась прежняя хозяйка. Мужчинам, всем кроме лекарей и время от времени нарушавшего «правила игры» тальдена, запрещалось видеться с ари Герхильда. Сегодня для Йекеля впервые открылись двери в святая святых – покои императрицы, и он примчался ко мне спозаранку с интересной, а главное, полезной информацией.

Оказывается, ее сиятельство графиня д'Ольжи покинула Хрустальный город сразу после нашей со Скальде свадьбы и, по слухам, возвратилась в родные пенаты – Рассветное королевство. Убрался восвояси и его темная светлость Хентебесир. Укатил в свое лилипутское княжество, гордо именуемое независимым государством.

Также мне донесли, что в последнее время его драконовеликолепие часто бывает не в духе. А вчера, узнав, что ее лучезарность и рада бы принять дорогого супруга, но состояние не позволяет, Ледяной Лог и впрямь чуть не стал ледяным. Ну или как вариант не превратился в жалкие угольки. Вроде тех, что в данный момент Элиль старательно ворошила кочергой, чтобы пламя в камине распустилось жарким огненным цветком.

– И с Мабли тоже все в порядке. Хоть видимся мы с ней нечасто, – заметно погрустнел Леан и с пущим усердием принялся комкать нелепый бархатный берет с розовым пером.

– Давай сделаем так: я сейчас быстренько потолкую с этим… как его там?

– Эрролом Фитивеном, главным имперским дознавателем, – услужливо подсказал Леан.

– В общем, мы с ним покалякаем о том, о чем ему не терпится со мной покалякать, а потом поедем к Мабли. Что скажешь?

Паж просиял. Хоть и пытался сохранить серьезное выражение на усыпанном веснушками лице, но уголки губ все равно предательски дернулись вверх.

– Пойду, позову эррола Фитивена, – поклонился мой юный помощник, пряча взгляд и ту самую счастливую улыбку, уже успевшую растянуться до самых ушей.

Из уютного будуара я перебралась в просторную гостиную для официальных приемов, в которую Леан пригласил дознавателя. Дежурно расшаркавшись, эррол Фитивен – мужчина невзрачной наружности с невыразительными чертами лица и такой же одеждой, простого кроя, темной и неброской, – принялся методично извлекать из меня воспоминания о Древней.

Метал вопросы, словно острые дротики. Вместе с непонятными взглядами и глубокомысленными «хм…», «интересненько…» и «надо же…».

– Значит, говорите, кто-то приказал снежному духу расправиться с вами? – пошел следопыт по второму кругу, расхаживая по комнате. Тоже кругами, назойливо мельтеша у меня перед глазами.

– Именно, говорю, – кивнула терпеливо.

– И к смерти ее лучезарности Мавены Древняя тоже была причастна?

– Из того, что от нее услышала, полагаю, что была.

– Интересненько…

А вот мне уже нет.

– Эррол Фитивен, я вам все рассказала. Вам и эрролу Хордису. Или не заметили, что повторяетесь?

А мечтала рассказать Скальде. О том, что пережила. Что цеплялась за жизнь больше ради него, чем ради себя. Я надеялась, осознав, что чуть не потерял меня, потерял навсегда, он забудет о ревности и обидах. Но его драконобесие (в смысле дракон, который бесит) лишь черканул перед сном записку, в которой желал скорейшего выздоровления и выражал глубокие сожаления о том, что довелось мне пережить по вине Леуэллы.

Как будто мне нужны были его сожаления… Я нуждалась в любящем и любимом драконе, а не в сосульке с уязвленным чувством собственного достоинства.

– Я всего лишь пытаюсь получить более четкую картину случившегося, – прервав моцион, великосветски поклонился мужчина. – Память со временем притупляется. Вопросы помогают глубже погрузиться в прошлое и освежить воспоминания.

У меня скорее мозги стухнут от звучания монотонного голоса дознавателя, чем освежится память.

Пришлось отвечать по второму разу. Вволю надозновавшись, Фитивен наконец оставил меня в покое. На радостях, что допрос закончился, собиралась позвать Элиль и попросить принести накидку, но тут тагры притащили эссель Тьюлин.

Придворная дама была не в курсе, что существуют две Фьярры: фальшивая и настоящая, а потому вместо обличительной тирады меня приклеили к креслу медоточивыми речами. Эссель Тьюлин никак не могла нарадоваться, что все сложилось так замечательно: ее любимая невеста (я – представляете?!) вышла замуж за ее любимого императора и теперь мы все заживем дружно и счастливо.

– Была рада с вами увидеться, но сейчас мне правда пора собираться, – нацелилась взглядом на двери, гадая, как бы пропихнуть в них этого тюленя.

За минувшие недели придворная сваха раздобрела еще больше, и даже высоченные эннены не делали ее визуально выше и стройнее.

– Но как же так! Ваша лучезарность! – всплеснула она руками. – Только что прибыли и эсселин Кристель, и эсселин Ренеа. Эсселин Эйвион ждет не дождется с вами встречи! Да и остальные девушки со вчерашнего дня надеются на аудиенцию.

– Кто такие? – настороженно вскинулась я.

Что-то слишком много эсселин заявилось в логово дракона. Никак его великолепие надумал устроить третий отбор, а меня в качестве наказания заставит присуждать красоткам-алианам баллы.

– Так ведь ваши же фрейлины, ваша лучезарность, – заулыбалась придворная дама. – Самые утонченные, самые красивые и образованные девушки Адальфивы! – возвестила радостно, вот только я ее радости не разделяла. – Они составят вашу свиту, станут вам верными подругами. Будут следовать за вами везде и всегда!

Ур-р-а-а…

Сердце кольнуло неприятное чувство. Утонченные и красивые? Лучше бы выбирали по образу и подобию этой пышки. Тогда бы в груди сейчас не проходил сеанс иглотерапии.

Решив, что врага нужно знать в лицо, милостиво разрешила:

– Ладно, зовите своих фрейлин. Но только по-быстрому, – предупредила, не желая отказываться от прежних планов и уже сегодня намереваясь забрать из дома бургомистра свою настоящую подругу – Мабли.

* * *

Стоило отдать придворной даме должное – эссель Тьюлин знала свое дело и приказы выполняла оперативно. Пяти минут не прошло после ее ухода, и вот она снова стоит возле окна и заслоняет собой солнце. Важно задрав тройной подбородок, представляет по очереди входящих в гостиную красоток. Будто модели выплывают на подиум. Приходилось признать: расхваливая новоиспеченных фрейлин, экс-командирша ничуть не преувеличивала. Девушки действительно были хороши собой. Ровесницы Фьярры или, может, чуть старше. Стройные, смазливенькие, в светлых нарядах и со светлыми очами, которые они с кротостью, присущей каждой средневековой деве любого возраста и статуса, на меня подняли. Прежде слаженно опустившись в реверансах.

Если сравнивать меня с ними, то фрейлины, приседая, походили на грациозных лебедей, а я на бегемота на лыжах.

– Ваша лучезарность…

– Мы так рады…

– Безмерно счастливы…

– Это такая честь для нас, – разливались соловьиными трелями, звенели хрустальными колокольчиками голоса прелестниц.

Уже потом я узнала, что все до единой были из благородных семей, но ни одна не обладала способностью принимать драконью силу. Как по мне – счастливицы. Не придется участвовать в отборах, мариноваться под любовными чарами, а главное, становиться объектом внимания ревнивцев, собственников и самодуров в лице Ледяных и Огненных.

Кристель и Ренеа, смуглые брюнетки, прибыли в Ледяной Лог аж из Рассветного королевства. Достались мне в компаньонки также рыженькие – Ниа и Августа. Шатенка по имени Сафира сверкала зеленющими глазищами – настолько яркими и выразительными, что, вглядываясь в эти изумруды, я на какое-то время залипла. А вот представители сильного пола наверняка залипнут, опустив взгляд ниже. Уроженка холодной Лейфории являлась счастливой обладательницей соблазнительных и весьма выпирающих форм. Как по мне, даже слишком соблазнительных и слишком выпирающих.

«Нужно будет держать ее подальше от Скальде», – сделала себе пометку в памяти и приступила к визуальному знакомству с шестой и, к счастью, последней красавицей. Ею оказалась голубоглазая блондинка Эйвион. На первый взгляд, самая застенчивая из фрейлин. С трогательными ямочками на щеках, появлявшимися всякий раз, когда она улыбалась, очаровательно-невинно и при этом с какой-то искусительной томностью.

Глядя на фрейлину, я почему-то вспоминала о Фьярре. Наверное, княжна Сольвер тоже вот так трогательно смущалась и чувственно улыбалась, когда окучивала Лешку и пудрила мозги Скальде.

Впрочем, не будем судить по внешности. Не за всяким ангельским личиком прячется гнилая личина.

После того как эссель Тьюлин представила всех девушек, те вкратце рассказали о себе, не забывая повторять, как счастливы находиться при Сумеречном дворе и какая это для них честь – служить ари самого могущественного из тальденов.

– Ну вот и познакомились, – подвела я итог первому общению и поднялась с твердым намереньем наконец отчалить из замка и отправиться за Мабли. Стоило только распрощаться с креслом, как фрейлины, будто по команде, снова опустились в реверансах. – Вольно. Я хотела сказать, можете идти отдыхать. Располагайтесь, знакомьтесь с Ледяным Логом. Чувствуйте себя, как дома, в общем.

Но не забывайте, что вы в гостях.

Девушки обменялись недоуменными взглядами, как если бы вместо взглядов бросали друг другу фрисби на пляже. К счастью, фрейлины были не в купальниках, иначе моя самооценка уже валялась бы где-то под фундаментом замка.

– Но, ваша лучезарность, в течение дня фрейлины обязаны быть с вами, – прервала гляделки бывшая сваха, а ныне просто моя персональная нервотрепательница.

– А выполнять приказы они не обязаны?

– Обязаны, – с неохотой выдавила из себя женщина.

– Ну так пусть и выполняют. Дамы, побудете со мной вечером. А сейчас у меня дела.

– Как вам будет угодно, ваша лучезарность.

– Если только мы вам понадобимся…

– Зовите нас в любое время дня и ночи, – стал мелодично прощаться мой сексапильный секстет.

Это еще надо уметь – говорить будто петь.

Эссель Тьюлин тоже не стала задерживаться, и вскоре я уже шла по замку. Пока знакомилась с местными топ-моделями, Леан от моего имени велел заложить карету. И теперь следовал за мною, распираемый от радости, что вот-вот увидит Мабли. Снежок трусил рядом, высокомерно поглядывая на обитателей замка. Мне же, в отличие от кьерда, явно довольного эффектом, который производила наша троица, было неловко. От того, что приходилось отвечать на бесконечные поклоны придворных.

К счастью, ни один старейшина на глаза не попался. Зато на них, как на рыболовный крючок, попался Герхильд, оказавшийся в неподходящее время в неподходящем месте. Стоя ко мне вполоборота, его великолепие общался с разодетыми в пух и прах эрролами. Понадеявшись на «авось пронесет», я осторожно двинулась вперед. Успела добраться аж до самой лестницы, а вот слететь по ней метеором, увы, не получилось. Я оказалась в поле зрения тальдена и, как назло, в зоне его досягаемости, тут же нарушившей мою зону комфорта.

– Ваша лучезарность! – не приветствие, а грозный рык, ударивший в спину с такой силой, что даже удивительно, как сумела удержаться на месте, а не покатилась кубарем с лестницы.

Леана и Снежка как ветром сдуло. Тоже мне, защитнички. Первый робел перед тальденом и даже его побаивался. Второй от пажа недалеко ушел. Вроде бы большая зверюга, но рядом со Скальде Снежок превращался в того пугливого беззащитного малыша, которого я подобрала на развалинах древнего святилища – Лабиринта Смерти.

Стоило Ледяному со мной поравняться, и я вдруг тоже почувствовала себя крошечной и незначительной. Чем-то вроде букашки или даже соринки, которая попала дракону в глаз, жутко ему мешала и нервировала. Но от которой он пока что не мог, хоть и очень хотел, избавиться.

– Вы куда-то собрались? – Благоверный навис надо мной, преградив дорогу. – Мне казалось, вам не здоровится.

– Вам правильно казалось. – Чуть согнула колени, выражая некое подобие почтения. В то время как взгляд выражал куда более искреннее чувство. – И да, я куда-то собиралась.

Тальден сощурился, почти скрыв под этим недобрым прищуром льдины в серых глазах.

– Если прогуляться по парку, то вас обязаны сопровождать фрейлины. Почему они не с вами?

Ах вот они кто – гламурные стражницы. Только вместо доспехов – юбки, а вместо копий – веера. Впрочем, последние в Сумеречной империи были явно не в моде. По крайней мере, ни у одной придворной дамы я не видела этого младшего брата опахала. Да и от жары здесь не было нужды спасаться.

– Фрейлины отдыхают. Поверьте, ваше отморож… лепие, я вполне в состоянии прогуляться сама.

– Вы не в состоянии даже сама проснуться. Без нападения какого-нибудь духа или перемещения в другой мир.

Н-да, сочувствие и беспокойство за родную и любимую ари из него так и прут. А из меня вот-вот попрет кое-что другое. Если сейчас же не освободит мне дорогу!

Разноцветными тенями нас обтекали люди, но ни я, ни Ледяной не обращали на них внимания, поглощенные дуэлью на взглядах. Словно на самых острых шпагах, кончики которых обмакнули в смертельно опасном яде. По крайней мере, Герхильдовый клинок-взгляд точно был отравленным.

– В другой мир я сама по себе не перемещусь. Древняя мертва, а меня ждут дела. Так что сайонара.

Попыталась обогнуть тальдена и шагнуть на вожделенные ступени. Обогнуть-то обогнула, вот только так никуда и не шагнула. Почувствовала тяжесть ладони на локте – требовательное прикосновение, заставившее замереть. А в следующее мгновенье по щеке горячим дыханием скользнул шепот-приказ:

– Возвращайся к себе, Аня.

– Так печемся о силе?

– И о ней тоже.

Зажмурилась. Потом выдохнула. В тщетной попытке успокоиться. Не скажу, что получилось, но хотя бы сумела сдержанно выцедить:

– Скальде, я не собираюсь от тебя сбегать. Мне нужно в город, чтобы забрать Мабли. Вот и все. Как видишь, ничего преступного.

– Ты Мабли собралась забирать в компании пажа и кьерда? – знакомая ироничная ухмылка.

По чем-по чем, а по ней я ни капельки не соскучилась. Как и по этой версии Герхильда!

– Можешь приставить ко мне охрану. Да хоть целое войско со мной отправь – без разницы! Видишь, не так уж это и сложно: идти на компромиссы.

– Возвращайся к себе, – отрезал бескомпромиссный.

Чтоб ты своей упертостью подавился!

Меня недвусмысленно подтолкнули к галерее, по которой всего каких-то пару минут назад я шла в приподнятом настроении. Затормозила упрямо и, развернувшись, выпалила:

– Тебе придется вернуть меня силой! Но только не надейся, что буду молчать. Готовься к сопротивлению, крикам, истерике. Придворные будут счастливы. А в какой «восторг» придут старейшины…

– Думаешь, меня остановит скандал?

Короткое движение, и вот уже не только мой локоть – я вся у него в руках, а сантиметры разделяющего нас расстояния становятся миллиметрами. Опасными такими миллиметрами, на какой-то миг заставившими позабыть, что у нас тут в разгаре выяснение отношений, и я как бы борюсь за свою свободу. И мне просто жизненно необходима победа в этой маленькой битве, а не прикосновение губ к губам. Много-много прикосновений, о которых мечтала последние недели…

– Мне ничего не стоит закинуть тебя на плечо, – зашептал благоверный, мастерски развеивая наваждение. – А сброшу уже в спальне. На кровать. Заодно и проверим, так ли ты недееспособна, как утверждают Хордис и служанки.

Ах ты ж гад!

Появилось ощущение, будто меня схватили за шкирку и швырнули в прорубь. Да там и оставили, отрезвляться и замерзать. В ушах противно зазвенело – это защелкнулись, лязгая, на руках невидимые оковы и шею сдавил железный ошейник. Наверное, оттого стало сложно дышать.

А может, от близости этого ледяного деспота, которого больше не хотелось целовать. Теперь хотелось другого – хорошенько ему накостылять. За холод в глазах и яд в голосе, от которых продолжала замерзать и медленно погибать.

– Не посмеешь…

– Уверена?

Попятилась, позабыв, что стою на краю лестницы. Сердце запнулось, когда нога соскользнула в воздух и я поняла, что теряю равновесие.

– Что и требовалось доказать, – снова схватив меня в охапку, безэмоционально резюмировал маг. – Ты, Аня, находишь проблемы даже там, где их нет.

– Отпусти.

– Тогда упадешь.

– В город меня отпусти.

– Повторяю в последний раз: возвращайся к себе. Знакомься с фрейлинами. Вышивай. Книги читай. Ты же любила читать. Пойдешь сама или тебя отнести?

– Я не твоя пленница, – на глаза навернулись слезы обиды.

– Но можешь ею стать, если продолжишь испытывать мое терпение, – отрубил жестко, словно я и правда по статусу занимала место где-то между служанкой и рабыней. А может, и того ниже.

Стало горько, горько до тошноты. Я надеялась, что со временем он успокоится и сумеет меня понять. Но о каком понимании может идти речь, если мы даже такой пустяковый конфликт не в состоянии разрешить.

И все из-за твердолобости некоторых экземпляров.

– Пошел ты знаешь куда!

– Только после того, как ты пойдешь к себе.

Оттолкнула, вырываясь из рук Ледяного, тоже ледяных, и сказала, отступая:

– Вижу, Герхильд, ты делаешь все возможное, чтобы чувства, что сейчас испытываешь ко мне, стали взаимными.

Он ничего не ответил. Только усмехнулся чему-то и, знаком подозвав стражника, велел проводить ее лучезарность. Потому что сама лучезарность может ненароком заплутать в коридорах замка.

Из последних сил сдерживая слезы, рванула прочь, слыша за спиной быстрые шаги провожатого. До самого вечера занималась тем, что выдумывала, куда бы послать его гадство. Интересное, как оказалось, занятие. И даже подарок Герхильда – прибывшая на закате Мабли – не смог потушить полыхавшее в душе пламя.

Но хотя бы со мной теперь была верная служанка. Та, которая, в отличие от Ледяного, меня поддерживала и понимала.

Глава 9

– Вот так, почти готово. – Мабли закрепила эннен и бережно расправила вуаль, молочной дымкой окутавшую головной убор. Отошла на пару шагов, желая полюбоваться результатами своих стараний, и восхищенно выдохнула: – Ах, ваша лучезарность, мне кажется, после замужества вы стали еще краше!

– Давай лучше не будем о наболевшем, – мягко напомнила девушке.

Со вчерашнего дня моя теперь уже старшая камеристка пребывала на седьмом небе от счастья. Нет, жизнь в доме бургомистра ее вполне устраивала и хозяйка, по словам Мабли, попалась замечательная. Щедрая и совсем не требовательная. Но Мабли все равно скучала. По службе при дворе, по эсселин Сольвер (я не стала уточнять, по которой), по Снежку. Имя Леана в разговоре ни разу не прозвучало, но судя по тому, как они сегодня с утра шептались, едва друг к другу не прижимаясь, уверенные, что никто их не замечает, по юному пажу Мабли скучала в первую очередь. Единственное, что омрачало радужное настроение девушки – это известие о смерти Блодейны и тревога за будущее Сольверов.

– А вдруг его великолепие решит их наказать?

– Пока что его бессердечие наказывает исключительно меня. – Приложила к груди сапфировое ожерелье со струящимися в ажурной оправе каменьями. Оно идеально подходило к платью из темно-синего бархата и колпаку с вуалькой. – Эррол Ритерх до сих пор знать не знает, что я не настоящая Фьярра, поэтому его вроде как не за что наказывать. Если верить старейшинам, это страшная государственная тайна.

– Но ничто не мешает Ледяному по-тихому разобраться с его светлостью, – весомо заявила девушка и ловко справилась с застежкой украшения. После чего потянулась к раскрытому ларцу, в котором хранились сапфировые сережки-грозди из того же комплекта.

Если честно, меня судьба Сольверов тоже тревожила. Не то чтобы я переживала за князя… Но к дочерям его (всем, кроме Фьярры) испытывала искреннюю симпатию. Надеюсь, Герхильду хватит ума и сострадания (впрочем, в последнем сомневаюсь) пощадить ни в чем не повинных алиан, нуждающихся в опеке отца.

Не прошло и часа, как я была готова к праздничному мероприятию, которое по традиции устраивалось в честь окончания затворничества ари. Будет пир, бесконечные тосты – за меня и ледяного диктатора – а также песни, пляски и шумные пожелания долго царствовать, жить не тужить и как можно скорее подарить империи кронпринца, а тому много-много братиков и сестричек. Щекотливая при сложившихся обстоятельствах тема.

Придется полвечера торчать за пиршественным столом, улыбаться и делать вид, что все у нас с Герхильдом расчудесно. А вторую половину сидеть рядом с тальденом на троне и смотреть, как водят хороводы придворные.

Тоже притворяясь. Что я счастлива. Что я Фьярра. Продолжать играть навязанную роль. Теперь навязываемую мне Скальде и советом старейшин.

Последние с утра пораньше заявились всей своей братией. Дружно распяли меня взглядами, после чего принялись методично вдалбливать, что должна держать язык за зубами.

– Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы по Адальфиве пошли слухи о возможности перемещения душ между мирами. Представьте, что тогда начнется! – жестикулируя, словно дирижер в оркестровой яме, озвучивал прописные истины мой горячо «любимый» старейшина Тригад. – Каждый второй, если не первый, маг пожелает попробовать, рискнуть, поставить на кон все, лишь бы приподнять завесу мирозданья. Нам не нужны волнения и нелепые смерти.

– Согласна. Поэтому я и не собиралась ничего никому рассказывать.

– Но наш долг все же предупредить вас, ваша лучезарность, – произнес советник с таким видом, словно не поверил ни единому моему слову.

– Что ж, вы выполнили свой долг и теперь с чистой совестью можете возвращаться к делам государства. Не смею больше задерживать и отнимать у вас, господа, бесценное время, – попрощалась максимально вежливо, намекая, что магам не стоит задерживаться.

Перед тем как уйти, старейшины поклонились. Но поклонились с таким видом, словно этим действием оказывали мне величайшее одолжение, а изображать тут реверансы и книксены по-хорошему следовало фальшивой императрице. В идеале – в ногах у магов валяться, бить себя в грудь и слезно заверять, как сильно раскаиваюсь.

Все как-то дружно позабыли, что режиссером и постановщиком всего случившегося выступала морканта, а я была подневольной актрисой. Куклой на шарнирах, которую при помощи шантажа дергали за ниточки.

От старейшин и узнала, что вечером состоится скромный сабантуйчик для придворных. Человек на сто – не больше. Меня настоятельно попросили выглядеть и вести себя надлежаще статусу лучезарности, после чего наконец удалились с высоко поднятыми головами.

Остаток дня провела за общением с фрейлинами и подготовке к пиршеству. Ближе к вечеру «топ-модели» сменили наряды на более яркие, затканные экзотическими птицами и райскими цветами, богато расшитые серебром и жемчугом. Головные уборы, как и платья, тоже сверкали. Но ярче всего сияли глаза девушек. Для каждой это был первый бал при дворе императора. Первая возможность себя показать и на других посмотреть. Заценить благородных эрролов, не обремененных узами брака, и наметить для себя потенциальных кандидатов в избранники.

В сопровождении разряженной свиты я отправилась в Аметистовую залу, получившую такое название из-за старинных гобеленов, на которых были вытканы лавандовые поля под закатным небом, и витражей, в узорах которых преобладали сиреневые и фиолетовые оттенки.

Этот зал был меньше тронного, но ничуть не уступал ему в роскоши. Длинный стол расположился между двумя рядами колонн, подпиравших стрельчатые своды. Кованые люстры пламенели зажженными свечами, и над тяжелыми канделябрами пугливо трепетали язычки пламени, выхватывая из вечернего полумрака многочисленные яства, дразнящие своими видом и запахами.

Мое появление придворные встречали стоя. В тишине, нарушаемой редким шепотом. Я шла под аккомпанемент из стука собственных каблуков. Руки, сжимавшие ткань платья, дрожали и покрывались испариной. Весь вечер и добрую половину ночи провести бок о бок с Герхильдом и при этом оставаться пай-девочкой – испытание не для слабонервных. А у меня нервы в последние время как раз-таки очень… слабые. Особенно когда их начинает трепать мне Скальде.

К моему облегчению, очень быстро вниманием собравшихся завладели фрейлины. Дамы встречали императорский «шлейф» откровенно завистливыми взглядами. Мужчины – тоже откровенными. Но только без зависти. Я так и чувствовала, как по залу разливаются флюиды восхищения, восторга, вожделения. Каждому неженатому эрролу (да и женатым ловеласам) не терпелось поближе познакомиться с красавицами.

Тальден сидел в своей излюбленной позе – вальяжно развалившись в кресле с бокальчиком чего-то крепкого. В расстегнутом темном камзоле, открывавшем кипенно-белую рубашку. Герхильд мазнул по мне коротким взглядом, словно художник по холсту кисточкой провел. Но, видимо, чем-то этот «холст» ему не понравился, раз он оперативно переключился на обмазывание взглядами моих фрейлин.

И даже когда я опустилась рядом с тальденом в глубокое кресло, он продолжал бесцеремонно изучать рассевшихся по правую от меня руку прелестниц.

– Смотрите, слюной не захлебнитесь, ваше великолепие, – почувствовав укол ревности, не то прошептала, не то прошипела, подавшись к благоверному.

Знаю, знаю, должна была совладать с собой, стиснуть зубы и смолчать. Но рядом со Скальде было сложно держать в узде эмоции, замуровывать в лед чувства.

– Не захлебнулся бы, если бы жена не глотала первое, что ей предложат, рискуя собственным здоровьем. Только чтобы со мной не встречаться.

Ой. Кажется, Хордис попался. И я вместе с ним.

Лихорадочно оглядела Аметистовую залу. Обнаружив среди застольщиков душку-мага, улыбающегося и пышущего здоровьем, облегченно выдохнула. А потом вдохнула, на свою голову, и чуть не подавилась воздухом. Когда заметила взгляд, каким его бесцеремонность награждал нежную блондинку Эйвион.

Зачесались руки схватить первое попавшееся блюдо – да вон хотя бы жаркое из чего-то там в глиняном горшочке – и увенчать этим горшочком голову Герхильда. А глаза залепить кружочками моркови, чтобы перекрыть визуальный доступ к кудрявой болонке.

– Значит, вон она какая, месть за то, что не хочу становиться инкубатором для твоего наследника?

– Если под инкубатором подразумевается та, которая выносит моего ребенка, то ты в любом случае им станешь, – самоуверенно пообещали мне на ухо.

Я как раз смотрела на молочного поросенка с запеченным яблоком в пасти и мечтала заткнуть им рот его хамству. Яблоком. Но можно и поросенком, чего уж там.

Тальден подал знак, и придворные принялись звенеть кубками, дружно греметь столовыми приборами под звуки виол и лютен. Ужин начался бодро. Зазвучали тосты, полились вина, зал наполнился смехом и веселыми возгласами.

Веселились все, кроме будущей императрицы. Ну и Ледяного. Но он в принципе веселиться не умеет. А улыбался в последний раз – искренне, заразительно – кажется, на нашем свидании в Рассветном королевстве. А потом были посещение Храма Весны и источник Юны. В который я, испугавшись, так и не заглянула. И вот теперь пожинала плоды своей трусости.

– Вы, кажется, из Тервильского княжества, эсселин?… – закончив шептаться с седобородым магом, снова переключился на фрейлину Скальде.

Я подавилась вином и лишь неимоверным усилием подавила в себе желание плеснуть тем, что осталось, в Герхильда.

– Эйвион Алаур, ваше великолепие, – смущенно представилась девушка.

Тальден откинулся на спинку кресла, не прерывая зрительного контакта с моей подопечной. Которая и так постоянно краснела, по поводу и без. А от внимания Ледяного и вовсе приобрела свекольный оттенок. Потупилась смущенно, но не без кокетства. А после… томно улыбнулась своей тарелке.

Я же постаралась сосредоточиться на собственной посуде и даже, делая заинтересованный вид, стала прислушиваться к эрролу Корсену, который с жаром доказывал коллеге-старейшине, что состязания на Алом турнире уже давно пора разнообразить новыми необычными испытаниями. И непременно разрешить зрителям делать ставки. Мол, азарт только подогреет интерес к этому долгожданному мероприятию.

И пока я смотрела на затейника-мага, Скальде продолжал интересоваться детством, отрочеством и недавней юностью белокурой скромницы.

К сожалению, интерес его великолепия заметила не только я. Кашлянула, намекая, что пора закругляться, потому что на нас все пялятся. Ноль реакции.

– Издеваешься?

– О чем это ты? – прикинулся дурачком тальден.

Очень подходящая ему роль.

– На нас же все смотрят!

– Ты, Аня, – императрица. Привыкай к вниманию.

– Предлагаешь привыкнуть и к тому, что в моем присутствии будешь раздевать кого попало взглядом?! – прошептала одними губами, хоть очень хотелось выкрикнуть это в драконью физиономию. А потом поставить в своем выступлении большую и жирную точку – пощечину. Ну или две «точки». Хотя чего уж мелочиться, можно и целое «многоточие».

– Извини, увлекся, – отхлебнув вина, типа покаялся Герхильд и пообещал с усмешкой: – В твоем присутствии больше не буду.

Я честно пыталась проглотить обиду вместе с перепелкой под ягодным соусом. Перепелку с горем пополам проглотила, а вот обидой подавилась. И с улыбкой (уж какая получилась), чтобы со стороны смотрелось, будто о чем-то приятном воркую с благоверным, негромко проговорила:

– А если издеваться начну я? Беря пример с дорогого супруга. Смотри, чтобы потом не пришлось гадать на кофейной гуще, задаваясь вопросом, твой это ребенок или какого-нибудь из придворных.

Отблески пламени отразились в глазах дракона. Или в них заполыхало пламя его собственное. Бесовское такое.

Впрочем, долго раздумывать над этим не стала. Поднялась, прежде чем тальден не выдал очередную провокацию.

Придворные, замолкая, тоже встали.

– Это был чудесный вечер.

А также, надеюсь, единственный и неповторимый. В том смысле, что больше никогда не повторится.

– Но я в последнее время себя неважно чувствую, а потому вынуждена вас покинуть. Мне нужен отдых.

Взглядом велела фрейлинам выметаться из зала, чем явно обломала надежды эсселин Алаур на парочку танцев с драконогадом. Благо Герхильд не пытался меня удержать, иначе бы скандала точно было не миновать. Лишь бросил напоследок, приподнимая кубок:

– За здоровье ее лучезарности! Чтобы скорее… хм, поправилась. Нам… мне на радость.

Мысленно обрушив на голову тальдена гору посуды, а заодно и ночные горшки со всего замка, ушла от греха подальше.

* * *

Я все-таки отвоевала для себя кусочек свободы и личного пространства, в котором так нуждалась и которого с появлением в Ледяном Логе фрейлин у меня почти не осталось. Его великолепие великодушно (правда, не с первого раза) разрешил своей ари по утрам и вечерам выгуливать саму себя в парке. Вроде как выпускал любимую (или не очень) собачку порезвиться на лужайке.

По окрестностям замка я бродила одна. Ну или в компании Снежка. Иногда к нам присоединялась Мабли. Ее присутствие не было в тягость. Наоборот, приятно провести время с тем, кто знает тебя настоящей. Принимает такой, какая есть. Поддерживает и не перестает подбадривать.

– Драконы, они ведь звереют от обмана. И с этим уже ничего не поделаешь, – философски рассуждала девушка, сонно позевывая, рукой касаясь первых проклюнувшихся шелковистых листков. – Не забывайте, тальдены – не просто люди. В каждом сильно́ животное начало – их магическая суть, которая и восстает против лжи. Вспомните про древние ритуалы, что проводили первые тальдены и алианы по завету глав родов. Чтобы стать ближе друг к другу, быть едиными. Для драконов важно доверять своим половинам, с которыми они делятся самым ценным – родовой силой. В те времена даже незначительная ложь считалась предательством. Это заложено глубоко в их душах и сердцах. Вам и самой довелось на себе почувствовать,

каково это – быть под воздействием чар. Легко ли было противиться любовной связи? Вот так и его великолепию сложно противостоять магии, что впитал с молоком матери. Поверьте, ваша лучезарность, он тоже страдает и переживает.

– Хреновые у вас ритуалы, – подытожила мрачно и, вздохнув, добавила: – Я все понимаю. Вот только не представляю, как достучаться до Скальде. Сколько будет продолжаться эта его борьба с завихрениями в голове и сколько еще раз, пока будет копаться в самом себе, успеет меня ранить? Мы ведь так даже ни разу нормально и не поговорили. Он просто меня к себе не подпускает!

И в сердце свое ледяное тоже не пускает.

В ответ Мабли не то вздохнула, не то зевнула, а скорее, все вместе. Было раннее утро. Придворные в этот час еще сны досматривали, а жаворонкам-старейшинам и слугам было некогда разгуливать по императорским паркам. Поэтому мы с Мабли наслаждались тишиной, нарушаемой лишь шелестом ветра, и красотами пробудившейся после долгой зимы природы. На деревьях уже вовсю набухали почки, которые кое-где успели раскрыться, радуя глаз малюсенькими листочками. Погода стояла прохладная, и тем не менее в воздухе упоительно пахло весной. И солнце, медленно плывя по небу, разгораясь, целовало в щеки первым робким теплом. Заставляло жмуриться и идти дальше, постепенно удаляясь от замка, отбивая всякое желания в него возвращаться.

Было странно видеть ледяные статуи на фоне зеленеющих кустарников. Но ари и не думали таять. Прекрасные и печальные, они все так же источали тоску и холод. Являлись безмолвным напоминанием о том, что императорский род по-прежнему проклят.

– Как подумаю, что вы могли стать одной из них…

Мабли поежилась, обхватила плечи руками, а шагнув вперед, что-то сдавленно пропищала.

Я проследила за ее взглядом и попятилась, не желая быть обнаруженной. Потянула назад и растерявшуюся служанку. Вместе мы укрылись за широким стволом дерева и замерли, почему-то даже перестав дышать.

Неподалеку возвышалась ледяная красавица, обласканная лучами неспособного растопить ее солнца. За покойной ари белела беседка из грубого камня, в которой коротала время Эйвион… в компании Герхильда.

Мабли сдавленно всхлипнула, расстроенная увиденным, а молодые листочки клонившегося к нам дерева посеребрило узорами инея. Сложно контролировать силу, когда в висках оглушительной пульсацией отдается одно единственное желание – вот прямо сейчас пополнить императорскую коллекцию еще одним смазливеньким экспонатом.

Все эти дни я пыталась поговорить со Скальде. Увидеться с ним в надежде пробиться через броню из холода и отчуждения благоверного. И забрало ледяное приспустить, чтобы не смел под ним от меня прятаться. Но его великолепие то был страшно занят сверхважными делами и не мог уделить внимание совершенно неважной мне, то и вовсе уезжал из замка. А вот для эсселин Алаур время нашел. И даже маску холодной отрешенности ради нее с лица стащил.

Заныло сердце, зажатое в тисках ревности.

Эта была та самая беседка, в которой Ледяной подарил мне цветок Арделии. Как сейчас помню его и меня – нас, сидящих друг к другу так близко. В тишине, которая не казалась неловкой. Которую не было желания нарушать. Наоборот, хотелось продлить ее и мгновения этой близости.

Беседка та же, а действующие лица поменялись. Эйвион улыбалась, кокетливо хлопая ресницами. Краснела (свекла недоделанная) и, томно закусывая губу, опускала взгляд. Не то в собственное декольте им ныряла, не то свои холеные ручки рассматривала.

Скальде стоял, облокотившись на каменные перила, и что-то рассказывал белобрысой мымре. Удивительно, как, корча из себя эталон галантности, куртку ей свою на плечики не накинул и не одарил цветочком волшебным. Страдает он и переживает – как же! Всем бы так страдать и переживать… А улыбка – это, наверное, гримаса отчаянья.

Ну да.

Бедный, бедный обманутый дракон.

Мать его.

– Подойдете к ним? – встревоженный голос Мабли немного притушил пламя ярости и заставил отчаянно быстро закрутиться в голове шестеренки мыслей.

Девушка выглядела расстроенной. Только что она наивно рассуждала о том, как сильно драконов ранит ложь. И вот этот сильно раненый дракон (раненый на оба полушария) преспокойно флиртует с другой. А та другая смотрит на него совершенно влюбленными глазами. Пособачьи так.

Никакой привязки не надо.

– Позже к нему подойду.

Когда рядом не будет Эйвион. А то ведь опять поругаемся, вместо того чтобы раз и навсегда расставить в наших отношениях все точки. И обязательно сделать это надо будет сегодня. Хочется того дракону драконскому или нет!

Глава 10

Держала я в руках себя долго – часа пол, если не все минут сорок. Пока в мою красивую, с золотыми прутьями клетку веселой гурьбой не ввалились фрейлины, и мне тут же нестерпимо захотелось из нее вывалиться. Как вариант – вывалить из окна одну улыбающуюся златовласку, явно метившую в фаворитки Скальде.

Ох, дометится она у меня, ох, домечтается.

– Дамы! Рада, что день начался с улыбок, – поприветствовала жертв средневековой моды, каждый день меняющих шмотки.

Никаких богатств на этих тряпичниц не хватит. Неудивительно, что родители поспешили от них избавиться.

– Я ненадолго отойду, а вы пока займитесь чем-нибудь, – велела расприседавшимся в реверансах девушкам.

Лучше и правда уйти. А то ведь действительно могу не совладать с ледяной силой. Не хотелось бы потом отдирать Эйвион от стенки. А хотя… Представила, как бы смотрелось над кроватью панно из заледеневшей фрейлины. Ну, в общем, свежо и неизбито. К тому же я всегда питала слабость к авангардизму.

– Эсселин Алаур! – Приостановилась, поравнявшись с кроткой ланью, глазки у которой так и сияли, а еще бегали туда-сюда взбесившимися маятниками: девица явно старалась не встречаться со мной взглядом. – Выпейте чего-нибудь горячего, вы вся дрожите. Так и заболеть недолго, все утро просиживая на холоде с моим мужем.

Сказать, что фрейлина побледнела – это ничего не сказать. С хорошенького личика сошли все краски, и первым сбежал так осточертевший мне румянец. Остальные девицы, испуганно замолчав, тоже как-то поблекли. Наверное, из солидарности с мамзелью.

– У вас даже кожа с нездоровым синюшным оттенком. – Приложила ладонь к вмиг покрывшемуся испариной лбу девушки, после чего покачала головой. – И такая холодная… Неужто уже успели побывать под его великолепием? Скажу по секрету, – подавшись к фрейлине, продолжила доверительным шепотом: – проклятие Герхильдов – та еще дрянь. И с каждым новым поколением становится все дряннее и заразнее. Об этом вообще-то известно только узким кругам, но… Раньше страдали одни алианы – избранницы императоров. А теперь, бывает, и простые эсселин замерзают. Вот так. Нет, они не превращаются в гламурные статуи. Просто коченеют – и адью, в фамильные склепы. Если что, я предупредила. А дальше уж ты сама, своими мозгами. Ну или что там прячется за этой хорошенькой мордашкой, – ласково потрепала фрейлину за белую щечку и с чувством выполненного долга отправилась общаться с драконом.

* * *

Долго искать Ледяного не пришлось. Он обнаружился у себя в кабинете в обществе эррола Корсена и какого-то безымянного старейшины. Верный пес-паж тальдена – наглый такой юнец, у которого молоко на губах не обсохло (мой ровесник то есть; вернее, ровесник Фьярриного тела), ни в какую не хотел меня впускать. Заверял, что как только хозяин освободится, он передаст ему все, что мне будет угодно передать, но сейчас его занятость ни в коем случае нельзя беспокоить и отвлекать.

– Рано тебе еще такие слова знать, которые я намерена передать твоему господину.

Ни уговоры, ни угрозы пажа не впечатлили. Другое дело ледяная корка, запечатавшая мальчишке рот. Что-то испуганно промычав, он отскочил в сторону, открыв доступ к дверям, отделявшим меня от Скальде.

Не теряя времени, толкнула створки и заявила с порога:

– Я готова делать ребенка!

После чего начала раздеваться на глазах у опешивших магов. Если и это не отвлечет венценосного от дел и не заставит обратить на меня внимание, то все, я сдаюсь. И перевоспитывать Ледяного больше не берусь.

Повисло молчание. Напряженное такое, я бы даже сказала – взрывоопасное. Рванет полюбому. Прямо сейчас или чуть позже. И пока я храбро сражалась со шнуровкой платья, перекрестьями темневшей на светлом бархате, обстановка продолжала накаляться.

Чтобы благоверный скорее вышел из транса (а то, может, так и будет сидеть пнем с глазами, и мой стриптиз затянется надолго), демонстративно приспустила рукава с плеч, потянула за вырез платья, обнажая кружево нижней рубашки, тонкой, почти прозрачной, и при этом смотрела дракону в глаза.

Старейшины, если честно, были в ауте. И Герхильд с ними за компанию – никак не мог выронить даже слово. А когда все-таки выронил, я, маги, статуэтки на книжных полках и прочая расставленная по кабинету мелочь вздрогнули от яростно-грозного:

– Выйдите!

Видать, недостаточно проняло, потому что старейшины как сидели, пялясь на меня с самым бестолковым видом, так и остались сидеть. Никак не могли поверить, что все происходит на самом деле. Или банально хотели досмотреть представление.

– Выйдите. Быстро! – пугающе тихо повторил дракон.

В голосе его перекатывались рычащие нотки. Всякий раз, стоило их услышать, у меня внутри начинало что-то вибрировать. Никогда не бывала вблизи проснувшегося вулкана, но, наверное, так могла бы звучать поднимающая из недр кратера на поверхность лава.

Старейшины наконец очнулись. Уткнувшись взглядами в пол, бледные, взволнованные, устремились к выходу. Чуть не столкнулись со мной, отскочили, словно от прокаженной, и, пробормотав что-то невнятное (надеюсь, не ругательства), просочились в приоткрытую створку.

Оставив меня наедине с драконом. Почти огнедышащим.

– И что это сейчас было? – сощурившись, подозрительно вкрадчиво спросил он.

Не люблю, когда Герхильд такой: обманчиво невозмутимый, легко загоняющий в себя любые чувства. Если б еще куда-нибудь засунул эту свою ауру силы, опасной мощи, из-за воздействия которой так и хотелось обхватить себя за плечи и поежиться.

Подтянула рукава, декольте поправила, и шнуровку на спине кое-как завязала кривым бантиком.

– Приходится пробиваться к тебе с боем и шокировать твоих… наших подданных, иначе ведь обо мне и не вспомнишь.

– Мне нет нужды о тебе вспоминать, Аня. – Скальде откинулся на спинку кресла, продолжая гипнотизировать меня взглядом, от которого становилось не то холодно, не то жарко, и по телу пробегали одновременно и искорки, и мурашки. – Потому что я никогда о тебе не забываю.

И даже утром в парке не страдал амнезией? Удивительно!

Заглушив в себе очередной приступ ревности, почти окрыленная последними словами тальдена, открыла было рот, собираясь сказать, что тоже только о нем и думаю, когда следующая фраза все перечеркнула:

– Я и так собирался к тебе этой ночью.

А почему не к Эйвион?

– За ребенком? – усмехнулась разочарованно.

– За ребенком. Но раз уж ты пришла и готова…

Дракон чертов.

– Если ты еще не догадался, – невольно попятилась; к счастью, Герхильд не спешил прощаться со своим мажорным креслом и опрокидывать на стол благоверную, – я здесь, чтобы поговорить. Спокойно. Без скандалов. Хочу все объяснить, и чтобы ты меня наконец понял. Ты…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.